

Эксперт-криминалист

№ 4
2020

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Per. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:
Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:
Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Смирнова С.А.,
Токарев П.И., Шишко А.В.,
Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:
Гриб В.В.

Заместители главного редактора:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:
avtor@lawinfo.ru,
тел. (495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:
«Почта России»
«Электронный каталог» — П1798,
«Объединенный каталог»
«Пресса России» — 91912

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 5. Усл.печ.л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN 2072-442X

Номер подписан 15.10.2020.
Номер вышел в свет 22.10.2020.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Внимание наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Аминев Ф.Г., Кучин О.С.** О необходимости правовой регламентации единых методик экспертной деятельности 3
- Барина О.А., Купин А.Ф.** О некоторых возможностях применения фотограмметрических программ в судебной экспертизе 6
- Глушков М.Р.** К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста 9
- Гусев А.Н., Бондаренко Я.А.** Об использовании многоуровневого анализа голоса при производстве комплексных экспертных исследований 12
- Купцова Н.В., Лисовцева В.М., Петрова Л.Г.** Учет родительско-детских отношений при принятии решения судом (по материалам судебных психологических экспертиз) 16
- Олиндер Н.В.** Криминалистический анализ преступной группы (на примере расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем) 19
- Фролова О.Е.** О требованиях к процедуре судебной экспертизы (взгляд лингвиста) 22
- Хавыло А.В., Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В.** Прогностическая модель и перспективы использования в судебно-экспертной практике исследований мимических реакций на вопросы различной сложности 26
- Холопова Е.Н.** Основы методики оценки опасностей, связанных с разработкой и развитием генетических технологий 29
- Черепенько Г.В.** Установление пригодности копии рукописного реквизита для исследования при производстве почерковедческой экспертизы 32
- Щепотьев А.В., Сафонова Т.А.** Правовой статус судебного эксперта и специалиста в уголовном процессе 35
- Ярославский К.С., Мелихов С.Ю.** К вопросу об использовании специальных знаний по уголовным делам о незаконной организации и проведении азартных игр 38

Forensics analyst

Federal science-practice journal

No. 4
2020

Published from 2005

Founder: Jurist Publishing Group

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI No. FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:
Komissarova Ya.V.

Editorial Board:
Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:
avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:
Russian Post. Digital Catalogue — П11798,
United Catalogue.
Russian Press — 91912

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by National Printing Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, settlement Severnij,
Kaluga, 248031. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN 2072-442X

Passed for printing 15.10.2020.
Issue is printed 22.10.2020.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

- Aminev F.G., Kuchin O.S.** On the Need for the Legal Regulation of Unified Methods of Expert Activities 3
- Barinova O.A., Kupin A.F.** On Some Opportunities for the Application of Photogrammetric Software in Forensic Examination..... 6
- Glushkov M.R.** On the Difference of an Expert's Report from a Specialist's Report 9
- Gusev A.N., Bondarenko Ya.A.** On the Use of a Layered Voice Analysis in Carrying out of Complex Expert Examinations..... 12
- Kuptsova N.V., Lisovtseva V.M., Petrova L.G.** Taking Parent-Child Relations into Account in Decision-Making by Court (Based on Files of Forensic Psychological Examinations)..... 16
- Olinder N.V.** A Criminalistic Analysis of a Criminal Group (on the Example of Investigation of Crimes Committed Using Electronic Payment Systems) 19
- Frolova O.E.** On Requirements for the Forensic Examination Procedure (a Linguist's View)..... 22
- Khavylo A.V., Engalychev V.F., Leonova E.V.** A Predictive Model and Prospects of the Use of Studies of Mimic Reactions to Questions of Diverse Complexity in the Judicial and Expert Practice 26
- Kholopova E.N.** Fundamentals of the Methodology of Evaluation of Dangers Related to Research and Development of Genetic Technologies 29
- Cherepenko G.V.** The Establishment of Usability of a Copy of Handwritten Document Details for Analysis in Carrying Out of a Handwriting Expert Examination..... 32
- Schepotyev A.V., Safonova T.A.** The Legal Status of a Forensic Expert and a Specialist in a Criminal Procedure..... 35
- Yaroslavskiy K.S., Melikhov S.Yu.** On the Use of Special Knowledge in Criminal Cases on Illegal Organization and Holding of Gambling..... 38

О необходимости правовой регламентации единых методик экспертной деятельности*

Аминов Фарит Гизарович,

профессор кафедры криминалистики Института права
Башкирского государственного университета,
заслуженный юрист Республики Башкортостан,
доктор юридических наук, доцент
faminev@mail.ru

Кучин Олег Стасьевич,

профессор кафедры криминалистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, доцент
kuchin-os@rambler.ru

В статье на основе изучения правоприменительной практики и принципа объективности проводимых исследований обосновывается необходимость разработки, стандартизации и внедрения в судебно-экспертную деятельность единых, унифицированных, научно обоснованных методик проведения экспертиз. Предлагаются меры законодательного регулирования использования экспертных методик, рассматриваются вопросы организации процессов их апробации и стандартизации и обосновывается предложение о создании единого Центра стандартизации экспертных методик. Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» № 18-29-14076.

Ключевые слова: эксперт, судебно-экспертная деятельность, методика, стандартизация, унификация, судопроизводство, правоприменительная деятельность.

The article justifies the need for the development, standardization and deployment in the judicial and expert activities of consolidated, unified, scientifically justified expert examination methods based on the studies of the law enforcement practice and the principle of objectivity of carried out research. The authors propose measures of the legislative regulation of the use of expert methods, review the issues of the organization of testing and standardization of such methods and justify the proposal for the creation of a single Expert Method Standardization Centre.

This paper has been financed by the RFBR within the framework of scientific project No. 18-29-14076 Legal and Ethical Aspects of the Nationwide DNA Passportization of the Population of the Russian Federation for the Purposes of the DNA Personality Identification.

Keywords: expert, judicial and expert activities, method, standardization, unification, judicial proceedings, law enforcement.

Судебная реформа, проводимая в настоящее время в Российской Федерации, результатом которой стало принятие ряда нормативных правовых актов в области судопроизводства, закрепление в кодифицированных федеральных законах конституционных принципов, нацеленных на демократизацию правосудия, усиление правовых гарантий личности, заставила специалистов обратить особое внимание на использование институтов, связанных с процессом доказывания. Среди них особое место занимает институт судебной экспертизы, который широко используется в правоприменительной деятельности. Научный анализ современной следственной, судебной и адвокатской практики свидетельствует о том, что в судебно-экспертной деятельности имеются значительные проблемы правового, научно-методического, кадрового, материально-технического и организационного характера, на которые неоднократно обращали внимание специалисты в своих публикациях.

В настоящее время судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД), где изложены концептуальные основы проведения судебных

экспертиз. Ряд аспектов назначения и производства судебных экспертиз регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Гражданским процессуальным кодексом РФ, Арбитражным процессуальным кодексом РФ, Кодексом административного производства РФ, Кодексом об административных правонарушениях РФ, а также в ведомственных нормативных правовых актах.

По мнению авторов статьи, при проведении комплексного анализа всей совокупности нормативного материала, посвященного судебно-экспертной деятельности, можно с уверенностью сказать, что ее правовое регулирование нуждается в унификации и приведении к единому правовому стандарту. Также, по нашему глубокому убеждению, любое экспертное исследование и составляемое экспертом заключение должны соответствовать унифицированным критериям, независимо от вида судопроизводства.

В последние годы в научной среде идет активная дискуссия о том, какой должна быть судебно-экспертная деятельность и как ее необходимо регламентировать в новом федеральном законе (см. проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹). Направления дискуссии можно разграничить следующим образом:

** On the Need for the Legal Regulation of Unified Methods of Expert Activities

Aminev Farit G., Professor of the Department of Criminalistics of the Law Institute of the Bashkir State University, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, LL.D., Associate Professor

Kuchin Oleg S., Professor of the Department of Criminalistics of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Associate Professor

1. Первое — это обсуждение вопросов о том, быть ли судебной экспертизе только государственной или же допустимо функционирование негосударственных (коммерческих, частных) судебно-экспертных организаций. Не вдаваясь в суть дискуссии, отметим, что, с точки зрения обеспечения интересов судопроизводства, важны как государственные, так и негосударственные судебно-экспертные организации. Эту позицию можно обосновать тем, что при наличии обоих видов судебно-экспертных организаций будет развиваться добросовестная профессиональная конкуренция. А это один из способов повышения уровня компетенции экспертов, которая напрямую влияет на качество проводимых ими экспертных исследований.

Кроме того, из всего числа назначаемых в России судебных экспертиз по гражданским делам производство более 60% поручается негосударственным судебно-экспертным организациям². Причем, как показывает правоприменительная практика, адвокатам — профессиональным защитникам практически всегда отказывают в проведении исследований и рецензировании экспертных заключений в государственных судебно-экспертных учреждениях (в некоторых ведомственных учреждениях этот вопрос даже не рассматривается).

2. Второе — дискуссия о том, следует ли создавать единый судебно-экспертный центр (с подразделениями в регионах) или же каждое ведомство (Министерство юстиции, МВД, ФСБ, Следственный комитет России и т.д.) должно иметь свои экспертные подразделения.

Ученые, работающие в ведомственных судебно-экспертных учреждениях, по вполне понятным причинам выступают за сохранение ведомственных структур, хотя и отмечают, что при этом должны быть обеспечены условия для защиты экспертов от возможного давления со стороны руководства. Находясь «внутри» ведомства, эксперт должен быть абсолютно независим, а влияние на его мнение должно быть сведено к необходимому минимуму.

Другая часть участников дискуссии полагает необходимым объединить все государственные судебно-экспертные организации в единый центр судебной экспертизы в целях оптимизации научной, кадровой, материально-технической, методической координации судебно-экспертной деятельности. Очевидно, что так можно исключить противоположные толкования одних и тех же явлений, расхождение мнений при исследовании однотипных процессов и объектов материального мира. Например, вопрос об отнесении патронов калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения к числу боеприпасов до сих пор не решен однозначно: в настоящее время по методике Экспертно-криминалистического центра МВД РФ они признаются боеприпасами к огнестрельному оружию, а согласно методике РФЦСЭ при Минюсте России — не признаются³.

Думается, в настоящее время вопрос следует поставить иначе. Назрела необходимость создания межведомственного (или вневедомственного) центра по научно-методическому сопровождению экспертных исследований, проводимых в рамках конкретных экспертных специальностей. Его основной задачей должно стать рассмотрение заявлений сторон относительно качества заключений экспертов (их рецензирование) в целях недопущения экспертных, а на их основе — судебных ошибок.

3. Третье — это довольно длительное время продолжающаяся дискуссия о месте судебной экспертизы в науке (является ли она частью криминалистики или самостоятельной научной дисциплиной). Хотя можно сказать, что в настоящее время здесь поставлена точка. Сегодня в качестве предмета теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) рассматривают «закономерности возникновения, формирования, развития и функционирования классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на базе унифицированного понятийного аппарата и единой методологической основе с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, закономерности судебно-экспертной деятельности в целом и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, а также единые требования к форме и содержанию заключений экспертов, единые подходы к использованию специальных знаний»⁴.

4. Четвертое — это обсуждение проблем стандартизации экспертных методик и внедрения их в практическую судебно-экспертную деятельность. Об этом последние 20–30 лет пишут многие ведущие специалисты в области судебно-экспертной деятельности (Т.В. Аверьянова, Ф.Г. Аминем, А.Ф. Волынский, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин, Н.П. Майлис, Г.Г. Омелянюк, Е.Р. Россинская, С.А. Смирнова и др.).

Практические работники судебно-экспертных организаций разных ведомств, а также сотрудники негосударственных судебно-экспертных организаций применяют разные методики, содержащие различные подходы к решению одних и тех же вопросов, поставленных перед экспертами. Такое положение вызывает серьезное беспокойство у судейского корпуса, так как при назначении повторных экспертиз выводы оказываются противоположными изначально сформулированным экспертом(ами).

В целях обеспечения научной обоснованности, объективности, всесторонности, полноты экспертных исследований, корректного использования научно-технических средств и методик при проведении судебных экспертиз необходимо решить следующие задачи: сформировать унифицированную экспертную терминологию; осуществить стандартизацию методик проведения судебных экспертиз; создать систему проверки качества судебных экспертиз; провести аккредитацию судебно-экспертных лабораторий по международным стандартам; выработать единые требования к компетентности сотрудников судебно-экспертных организаций и к процессу судебно-экспертной деятельности в целом⁵.

По нашему мнению, в ФЗ о ГСЭД нельзя ограничиваться ссылкой в ст. 4 на использование «современных достижений науки и техники», указанием в ст. 8, что заключения экспертов должны строиться на «базе общепринятых научных и практических данных», а государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов (ч. 5 ст. 11). Этого мало для того, чтобы применяемые экспертами методики отра-

жали общепринятые научным сообществом стандарты и не подменялись на практике оригинальными «фантазиями» на околонаучные темы, выдаваемыми за передовые технологии⁶.

Полагаем, что законодатель должен однозначно высказаться за то, чтобы разрабатывались и применялись экспертами стандартизированные методики. В части 2 ст. 38 ФЗ о ГСЭД прямо указано, что научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз возлагается на судебно-экспертное учреждение. Однако положения данной статьи не распространяются, согласно ст. 41 ФЗ о ГСЭД, на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами (соответственно, и на негосударственные учреждения тоже).

Сегодня судебно-экспертное сообщество Российской Федерации не располагает стандартизированными экспертными методиками. Многие из экспертных методик давно апробированы экспертами и успешно применяются на практике, не вызывая у сторон и суда особых нареканий. Частично информация о таких экспертных методиках и методических рекомендациях отражена в ведомственных документах⁷. В ведомствах также имеются доступные для ознакомления перечни проводимых родов (видов) судебных экспертиз. Однако в них заложены определенные отличия по названиям, объектам, предмету судебных экспертиз, что говорит о существовании межведомственных разногласий. Поэтому желательно в ближайшее время разработать и принять единый общероссийский Перечень родов (видов) судебных экспертиз. Эта задача вполне по силам не так давно созданной Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Начало уже положено. С 13 мая 2015 г. при Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии (Росстандарте РФ) функционирует Технический комитет по стандартизации № 134 «Судебная экспертиза», в состав которого вошли руководители ведомственных судебно-экспертных организаций, ученые вузов, осуществляющих подготовку экспертов. На его заседаниях обсуждаются представленные ответственными разработчиками редакции стандартов (пока речь идет о согласовании терминов и определений), которые утверждаются и вводятся в действие приказом Росстандарта РФ.

На наш взгляд, в целях активизации процесса следует создать единый государственный Центр стандартизации судебно-экспертных методик, который будет разрабатывать и утверждать методики экспертных исследований. Будет вполне оправданным, если в состав центра войдут представители известных научно-исследовательских и судебно-экспертных учреждений, научной общественности, практикующие ученые.

При этом в новом федеральном законе о судебно-экспертной деятельности следует указать, что судебные экспертизы проводятся на основании стандартизированных экспертных методик (с указанием их реквизитов), а несоблюдение требований методики делает ничтожными выводы эксперта. При таком подходе потеряет остроту вопрос о рецензировании заключений экспертов в случае сомнений в их научной обоснованности. Исключение могут составлять ситуации формирования новых родов и видов судебных экспертиз.

Деятельность единого государственного Центра стандартизации судебно-экспертных методик должна осуществляться на основании положения о центре. В этом документе следует указать еще одну его важную задачу — проведение мониторинга потребностей практики в новых методиках (судебно-экспертная деятельность не должна страдать и приостанавливаться из-за отсутствия частной методики). В ситуации, когда частная экспертная методика еще не разработана, эксперт вправе применить родовую, видовую или групповую методику с адаптацией ее к конкретному случаю. При этом единый государственный Центр стандартизации судебно-экспертных методик проверяет ее научную обоснованность, достоверность полученных таким образом результатов и впоследствии может стандартизировать ее как новую частную методику.

Вышеописанные предложения являются продолжением дискуссии по обсуждению проблем организации и производства судебных экспертиз в государственных и в негосударственных судебно-экспертных организациях на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике.

Литература

1. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Ф.Г. Аминев // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы Международной научно-практической конференции (г. Волгоград, 21–22 мая 2014 г.) / редколлегия : Н.Н. Шведова. Волгоград : ВА МВД России, 2014. С. 16–20.
2. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Ф.Г. Аминев // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 126–131.
3. Аминев Ф.Г. О некоторых вопросах организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан и Российской Федерации / Ф.Г. Аминев, К.К. Сейтенов // Перспективы партнерства государств — членов ШОС в сфере судебной экспертизы : материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 20–21 июня 2018 г.). Астана : Астана, 2018. С. 17–21.
4. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения : монография / Ф.Г. Аминев. Москва : Юрлитинформ, 2019. 270 с.
5. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии : монография / О.Г. Дьяконова. Москва : Проспект, 2017. 480 с.
6. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 368 с.
7. Комиссарова Я.В. К вопросу о лицензировании экспертной деятельности / Я.В. Комиссарова, В.И. Комиссаров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). Москва : Проспект, 2013. С. 244–247.

8. Россинская Е.Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития / Е.Р. Россинская // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 2–6.

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 13.05.2020).

² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.04.2019).

³ Аминов Ф.Г., Сейтенов К.К. О некоторых вопросах организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан и Российской Федерации // Перспективы партнерства государств — членов ШОС в сфере судебной экспертизы: материалы международной научно-практической конференции (20–21 июня 2018 года, г. Алматы). Астана : ПТ «Астана», 2018. С. 19. Прим. редакции: в 2020 году РФЦСЭ при Минюсте России и ЭКЦ МВД России совместно была подготовлена новая методика, которую планируется утвердить и рекомендовать к публикации осенью текущего года.

⁴ Россинская Е.Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 5–6. По данному вопросу также см.: Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2014; Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии. М. : Проспект, 2017; Аминов Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной дея-

тельности в Российской Федерации и пути их решения : монография. М. : Юрлитинформ, 2019; и др.

⁵ Подробно см.: Аминов Ф.Г. О некоторых проблемах совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы международной научно-практической конференции (г. Волгоград, 21–22 мая 2014 г.). Волгоград : ВА МВД России, 2014. С. 16–20; Его же. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 126–131; и др.

⁶ По данному вопросу см., напр.: Комиссарова Я.В., Комиссаров В.И. К вопросу о лицензировании экспертной деятельности // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М. : Проспект, 2013. С. 244–247.

⁷ См., напр.: Приказ Министерства юстиции РФ от 20 декабря 2002 г. № 346 «Об утверждении методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы МЮ РФ» // СПС «КонсультантПлюс»; Письмо ФССП Министерства юстиции РФ от 18 сентября 2014 г. № 00043/14/56151-ВВ «О методических рекомендациях» (утв. «Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных ФССП») // Федеральная служба судебных приставов РФ : документы. URL: https://fssp.gov.ru/letter_to_00043_16_68200/ (дата обращения: 13.05.2020).

О некоторых возможностях применения фотограмметрических программ в судебной экспертизе*

Барина Ольга Александровна,

доцент кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры цифровой криминалистики
Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана,
кандидат юридических наук
ol.bondarencko2011@yandex.ru

Купин Алексей Федорович,

доцент кафедры цифровой криминалистики
Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана,
кандидат юридических наук, доцент
alexcrim@rambler.ru

В статье рассмотрен порядок работы ряда фотограмметрических программ, применяемых для измерения объектов и расстояний между ними. Описан принцип работы таких программ, проведен сравнительный анализ их возможностей. С помощью примеров продемонстрированы возможности использования таких программ в судебно-экспертной деятельности. Обращено внимание на некоторые затруднения, с которыми сталкиваются эксперты при установлении размеров объектов и расстояния между ними с помощью фотограмметрических программ.

Ключевые слова: судебная экспертиза, фотограмметрические программы, измерение объектов, определение расстояния.

The article discusses the operation of the photogrammetric programs used in forensics to measure objects and the distances between them. The principle of operation of such programs is described, a comparative analysis of their capabilities is carried out. The authors of the article demonstrated the possibilities of using such programs in forensic activities with the examples. Attention is drawn to some difficulties experienced by experts in determining the size of objects and the distance between them using photogrammetric programs.

Keywords: forensic examination, photogrammetric programs, measurement of objects, determination of distance.

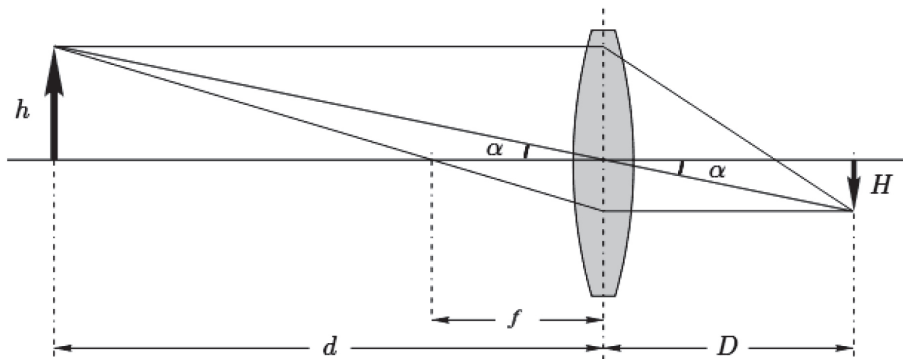
В судебно-экспертной деятельности часто возникают ситуации, когда необходимо измерить размеры различных объектов или расстояние между ними.

Такие ситуации не вызывают больших затруднений, когда измерение проводится в криминалистической лаборатории, где есть необходимые условия и специ-

** On Some Opportunities for the Application of Photogrammetric Software in Forensic Examination

Barinova Olga A., Associate Professor of the Department of Weapon Studies and Trasology of the Academic Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Digital Criminalistics of the Bauman Moscow State Technical University, PhD (Law)

Kupin Aleksey F., Associate Professor of the Department of Digital Criminalistics of the Bauman Moscow State Technical University, PhD (Law), Associate Professor

Илл. На схеме показаны величины, с помощью которых измеряется формула фокусного расстояния для тонкой линзы

альное оборудование, которое работает как с изображениями, полученными в режиме реального времени, так и с фотоснимками. Вместе с тем следует признать, что программы, позволяющие осуществлять измерения объектов, являются дорогостоящими и, следовательно, не получили широкого распространения в экспертных подразделениях.

Рассчитать расстояние от объекта до объекта, а также участка изображенной на фотоснимке местности возможно с помощью специальных формул.

Например, для расчета расстояния можно воспользоваться формулой расчета тонкой выпуклой линзы. Ниже представлена формула, по которой производился расчет, где h — это линейный размер объекта съемки, а H — размер его уменьшенного изображения (см. илл.).

Нетрудно заметить, что $h = d \tan \alpha$, а $H = D \tan \alpha$ (это следует из свойств прямоугольного треугольника). Подставив эти величины в формулу тонкой линзы, увидим, что $\tan \alpha$ сокращается, соответственно получается следующая последовательность:

$$\frac{1}{d} + \frac{1}{D} = \frac{1}{f} \quad 1 + \frac{h}{H} = \frac{d}{f} \quad d = \frac{(f(H + h))}{H}$$

Последовательность действий для расчета такова: фотографируется интересующий нас объект на фотоаппарат; фотография загружается в программу 'Adobe Photoshop'; указываются размеры фотографии и раз-

решение матрицы; измеряется размер нужного нам изображения на фотографии; через метаданные узнаем фокусное расстояние объектива. После этого все значения вносятся в формулу и производится расчет. Как показывает практика, погрешность в расчетах составляет приблизительно 1–3%.

При осмотре мест происшествий произвести такие измерения с большей точностью не всегда возможно. Иногда потребность в информации о расстоянии между объектами, их действительных размерах возникает после проведения осмотра места происшествия, когда первоначальная обстановка уже утрачена либо изменена. В таких ситуациях, наряду с достаточно сложными техническими методами и приемами¹, могут быть использованы и относительно простые компьютерные программы, позволяющие определять размеры объектов и расстояние между ними, как непосредственно на месте происшествия, так и по полученным фотоснимкам. Рассмотрим некоторые программы подробнее.

1. Приложение Marker Meter позволяет произвести точные измерения объекта по фотографии. Данная программа опирается на принцип измерения, основанный на использовании маркеров (предметов с известными размерами). Благодаря сравнению с ними, высчитываются нужные данные, такие, как расстояние между объектами, их площадь, размеры, величина углов². Для проведения измерений необходимо:

— выбрать маркер, на основании размеров которого на фотографии будут определяться габариты нужных

Таблица

№	Программа	Результат	Погрешность
1	Приложение 'Marker Meter'	41,1 x 26,2 см	1%
2	Приложение 'Рулетка'	41 x 26 см	1,5%
3	Приложение 'S-Tools'	41 x 26 см	1,5%
4	Приложение 'Google Measure'	407 x 260 мм	2%
5	Приложение 'Smart Measure Pro'	41 x 26,2 см	0,05%
6	Программа 'lphotoMeasure'	415 x 265 мм	0,1%
7	Программа 'Квадрат'	415 x 265 мм	0,1%
8	ПО 'AmpedFive'	415 x 265 мм	0,1%

объектов (по умолчанию им является денежная купюра, но можно выбрать и любую другой объект);

— получить фотографию или выбрать уже готовое изображение из галереи (важно расположить предметы так, чтобы они все лежали в одной плоскости);

— установить границы маркера на фотографии.

2. Приложение «Рулетка» для iPhone позволяет автоматически определять размеры объектов прямоугольной формы. Также с помощью данного приложения можно вручную задать начальную и конечную точки для измерения³. Для корректного использования программы необходимо располагать телефон на расстоянии от полуметра до трех метров от объекта и медленно перемещать его вдоль объекта.

3. Приложение S-Tools позволяет измерить длину, пропорции, угол предметов и объектов. Это приложение позволяет измерить прямые линии, кривые, треугольники, овалы различной формы⁴.

4. Приложение Google Measure используется для измерения размеров объекта и расстояний между ними с помощью технологии дополненной реальности ARCore. Данная программа позволяет измерять длину, ширину и высоту объектов, которые находятся на плоской поверхности, например, размер ковра, ширину дивана или высоту стола⁵. На данный момент приложение продолжает обновляться и в него добавляются новые функции.

5. Приложение Smart Measure Pro является приложением-дальномером⁶, позволяющим рассчитать различные размеры объектов. В частности, с его помощью можно измерить расстояние между объектами, размеры объекта, разность высот его деталей, толщину, угол между отдельными поверхностями, горизонтальный и вертикальный уровни, градиент, как с перемещением, так и без перемещения, высоту и протяженность, посчитать периметр 2D-рисунка, рассчитать радиус круга, дуги, размеры 3D-объекта и составить 3D-рисунок. Для этого телефон с включенным приложением перемещается вдоль поверхности объекта, и программа автоматически рассчитывает размеры. Для расчета некоторых размеров и объектов, составляющих технически сложные решения, например 3D-изображений, требуется установка платных версий программы.

6. Программа IphotoMeasure позволяет определять размеры объектов по их фотографиям⁷. Для измерения с помощью данной программы необходимо указать размер эталонного объекта, выделив его на фотографии. После того как определен эталон длины, программа автоматически рассчитывает размеры всех указанных областей с учетом угла наклона, измеряемой поверхности и угла, под которым производилась съемка объекта.

7. Программа «Квадрат» представляет собой улучшенный вариант программы IphotoMeasure. Данная программа в качестве мерного объекта применяет прямоугольник или квадрат. Также в качестве мерного объекта может использоваться маркер Agiso, который программа автоматически распознает⁸. Программа содержит подробную инструкцию по настройке и калибровке камеры, что позволяет делать расчет фокусного расстояния, положения оптической оси и дисторсии.

8. Программное обеспечение AmpedFive разработано в целях обеспечения решения задачи по восстановлению, уточнению и анализу изображений⁹. С его помощью можно решать задачу измерения объекта, изображение которого запечатлено на фотоснимке. Для этого необходимо задать несколько прямых линий по границам любого объекта и длину линии — это и будет эталонное значение для вычисления.

С целью проверки возможностей указанных программных продуктов и для определения погрешности в измерении был проведен эксперимент, в ходе которого определялись размеры предмета, известные заранее. В качестве такого предмета был взят МФУ 'LaserJet Pro M1132 MFP', с размерами 415 x 250 x 265 мм. Измерялись длина и высота. Полученные данные представлены в таблице.

Исходя из представленных данных нужно отметить, что точность измерения зависит от корректности предоставления контрольных точек, по которым будет проводиться измерение. Применяя указанные программные продукты в судебно-экспертной деятельности при производстве экспертных исследований, необходимо брать в расчет, что метрологическое обеспечение, согласно Федеральному закону от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», построено на комплексе государственных метрологических систем и опирается только на те приборы и оборудование, которые входят в разрешенный список. Соответственно, программное обеспечение AmpedFive, являющееся сертифицированным и разрешенным к использованию в экспертной деятельности, может применяться с большим успехом в качестве измерительных стандартных средств при установлении размеров объектов и расстояния между ними.

Литература

1. Гольчевский В.Ф. Фотосъемка сложных криминалистических объектов / В.Ф. Гольчевский, Н.А. Гольчевская // Эксперт-криминалист. 2019. № 4. С. 9–12.
2. Шакирьянова Ю.П. Создание трехмерной модели места происшествия на базе цифровых фотографий и кадров видеозаписи / Ю.П. Шакирьянова, С.В. Леонов, П.В. Пинчук // Эксперт-криминалист. 2018. № 4. С. 21–23.

¹ Гольчевский В.Ф., Гольчевская Н.А. Фотосъемка сложных криминалистических объектов // Эксперт-криминалист. 2019. № 4. С. 9–10; Шакирьянова Ю.П., Леонов С.В., Пинчук П.В. Создание трехмерной модели места происшествия на базе цифровых фотографий и кадров видеозаписи // Эксперт-криминалист. 2018. № 4. С. 21–22.

² URL: <http://4pda.ru/2015/06/04/224700/> (дата обращения: 30.07.2020).

³ URL: <https://samsung-galaxy.mobi/vmesto-ruletki-i-santimetra-smartfon-kak-pomosnik-v-oformlenii-interera/> (дата обращения: 30.07.2020).

⁴ URL: <https://24gadget.ru/1161058144-s-tools-15-prilozhenie-mozhet-izmerit-obekty-s-foto.html/> (дата обращения: 30.07.2020).

⁵ URL: <https://liferhacker.ru/google-measure/> (дата обращения: 30.07.2020).

⁶ URL: https://www.moasure.com/pages/measuring-modes-with-a-moasure-device#pipe_run/ (дата обращения: 30.07.2020).

⁷ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фотограмметрия> (дата обращения: 30.07.2020).

⁸ URL: <http://фотомер.пф/index.php/novosti/iphotomeasure/> (дата обращения: 30.07.2020).

⁹ URL: <https://ampedsoftware.com/five/> (дата обращения: 30.07.2020).

К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста*

Глушков Максим Рудольфович,

заведующий кафедрой криминалистики

Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России,

полковник юстиции

factasunt@mail.ru

Предпринята попытка разграничить такие средства доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве, как заключение эксперта и заключение специалиста. Со ссылкой на статью 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ показано, что различие между ними связано с понятием исследования — при необходимости его производства назначается экспертиза, в иных случаях может быть получено заключение специалиста. В свою очередь, понятие «исследование» в его общепринятом значении охватывает в том числе осмотр объекта (объектов). Таким образом, можно предположить, что заключение специалиста представляет собой суждение, напрямую не связанное с конкретным предметом или ситуацией.

Ключевые слова: *уголовный процесс, специальные знания, заключение эксперта, заключение специалиста, исследование, объект исследования.*

The publication makes an attempt at demarcation of such means of proving in the national criminal proceedings as an expert's report and a specialist's report. With reference to Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the authors show that the difference between these two terms is related to the concept of an investigation — an expert examination is commissioned if an investigation needs to be performed, while a specialist's report may be sufficient in other cases. Whereas the investigation concept in its conventional meaning covers, inter alia, object examination. Thus, it may be assumed that a specialist's report is an opinion not directly linked to any specific subject or situation.

Keywords: *criminal procedure, special knowledge, expert's report, specialist's report, investigation, investigated object.*

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) о заключении и показаниях эксперта была дополнена ч. 3 и 4, посвященными заключению и показаниям специалиста. В обновленном виде норма действует уже более 15 лет, но надо признать, что эффективно она так и не заработала. Думается, причина в том, что правоприменители не уяснили сути новых средств доказывания и, соответственно, не стремятся их задействовать.

На вопрос о том, что представляет собой заключение специалиста и, главное — чем оно отличается от заключения эксперта, затрудняется однозначно ответить большинство слушателей Института повышения квалификации Санкт-Петербургской академии СК РФ. Как правило, озвучивается мнение, что заключение эксперта — более весомое доказательство, что эксперт — компетентнее, чем специалист¹.

Однако заключение специалиста — точно такое же доказательство, как и все остальные. Указанным выше Законом № 92-ФЗ, помимо ст. 80 УПК РФ, была дополнена еще и ч. 2 ст. 74, где приводится перечень доказательств, — за п. 3 «Заключение и показания эксперта» идет п. 3.1 «Заключение и показания специалиста». При этом общеизвестно, что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы и преимуществ перед другими (ст. 17 УПК РФ).

Казалось бы, отличия заключений лиц, обладающих специальными знаниями, обозначены в УПК РФ достаточно явно. Отвечая на вопросы, поставленные лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами, эксперт в заключении должен отразить содержание исследования и выводы (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), а специалист — свое суждение (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

На проведение исследования, как главный признак судебной экспертизы, указывается и в ст. 9 Федерального закона РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где раскрываются основные понятия, используемые в данном нормативном правовом акте.

Разумеется, такая регламентация далека от детальной, но объективно подводит нас к выводу, что специалист при даче заключения не должен проводить исследования. Данный подход нашел отражение в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «Специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

Тем не менее многие ученые и практики не видят препятствий для производства исследования специалистом в целях обоснования своего суждения². Основой аргумент сторонников этой точки зрения — положения ч. 1 ст. 58 УПК РФ, где сказано, что специалист может привлекаться к участию в процессуальных действиях, в том числе для применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела. Кроме того, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ УПК РФ был дополнен, помимо прочего, гл. 32.1, посвященной дознанию в сокращенной форме. В ней содержится ст. 226.5, п. 3 ч. 3 которой гласит, что дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, прове-

* On the Difference of an Expert's Report from a Specialist's Report

Glushkov Maksim R., Head of the Department of Criminalistics of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice

денного в ходе проверки сообщения о преступлении. По мнению ряда исследователей³, таким образом фактически было санкционировано производство исследований специалистом. Полемика по данному вопросу возобновилась с новой силой.

Представляется, что сложившуюся ситуацию нужно рассматривать как коллизию общей и специальной норм, которая должна разрешаться в пользу последней⁴. Общей нормой является п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, где упоминается заключение специалиста. Основная задача в данном случае — регламентация дознания в сокращенной форме. Специальная норма, посвященная заключению специалиста и только ему, — ч. 3 ст. 80 УПК РФ. Именно она должна учитываться при дифференциации заключений специалиста и эксперта.

Когда граница между заключениями эксперта и специалиста стирается (если они оба вправе проводить исследования), участники дискуссии начинают рассуждать о том, что эксперт *более* компетентен и дает заключение *большой* доказательственной силы, кроме того, он проводит *специальное* исследование, в то время как полномочия специалиста ограничены некими *предварительными* исследованиями. Насколько можно судить по результатам опроса слушателей Института повышения квалификации Санкт-Петербургской академии СК РФ, подобные, не основанные на положениях УПК РФ высказывания характерны в большей мере для членов экспертного сообщества, из-за отсутствия знаний в области юриспруденции не придающих должного значения процессуальным требованиям.

Подчеркнем еще раз — никакой градации доказательств в российском уголовном процессе не существует. Разницы между квалификацией специалиста и эксперта также нет никакой — подчас это одно и то же лицо в рамках одного уголовного дела. Например, судебно-медицинский эксперт, участвовавший в статусе специалиста в осмотре трупа на месте обнаружения, становится экспертом, получив от следователя копию постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы. Что же касается предварительного характера одних исследований и окончательного — других, то в УПК РФ такого различия ни прямо, ни косвенно не предусмотрено.

Но если главное отличие заключений специалиста и эксперта все-таки в принципиальной возможности и даже необходимости (когда назначается судебная экспертиза) проведения исследований в целях решения поставленных перед ними вопросов, следует уяснить сущность данного понятия. Как справедливо отмечается в литературе, «различные подходы к уяснению сущности понятия “исследование”, активно используемого в науке и на практике, позволяют ученым обосновывать и отстаивать диаметрально противоположные позиции»⁵.

Ни УПК РФ, ни упомянутые Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» ответа на этот вопрос не дают.

Ряд ученых отличительным признаком исследования называют получение новых «выводных» данных⁶: от информации, имеющейся у него на начальном этапе, через получение промежуточного знания эксперт

движется к выводам, которые излагает в резолютивной части заключения. Знания, которые эксперт сообщает органу или лицу, назначившему экспертизу, *выводятся* из промежуточного знания, а не формулируются непосредственно в качестве прямого ответа на поставленный вопрос. Можно привести в пример полиграмму, полученную полиграфологом, или следы на гильзе, оставшиеся после экспериментального отстрела, изучить которые предстоит эксперту. Ни полиграммы, ни следов нарезов канала ствола на гильзе (и, соответственно, сведений о них) до начала экспертизы не существовало. Получив новые данные (промежуточное знание), эксперт может переходить к их анализу и далее — к формулированию выводов (выводное знание).

Однако использование данного подхода нам представляется затруднительным применительно к некоторым видам экспертиз, например лингвистической и социогуманитарной, которые получили распространение в последние годы. Разумеется, эксперту приходится выявлять смысл и значение отдельных выражений, которые изначально не воспринимаются и потому могут считаться «новыми данными»⁷, например наличие или отсутствие неких признаков, по которым высказывание можно расценить как экстремистское или оскорбительное.

Напомним и о других видах экспертиз, для которых получение «выводного знания» экспертом еще менее очевидно. Например, баллистическая, когда на разрешение эксперта поставлен вопрос: к какому виду и образцу относятся представленные патроны и в каком оружии они могут быть использованы для стрельбы? Ботаническая с вопросом: частью какого растения являются представленные объекты растительного происхождения? Культурологическая — на предмет установления наличия или отсутствия признаков порнографии в видеоматериалах, изображениях и т.д.

Еще один активно обсуждаемый учеными и практиками вопрос: если работа эксперта с объектом ограничивается осмотром, можно ли считать такую процедуру исследованием? Не вдаваясь в дискуссию, для того чтобы не повторять многократно изложенные в литературе точки зрения, присоединимся к тем, кто полагает, что можно и нужно. Это значит, что деятельность специалиста, коль скоро он не должен проводить исследования, сводится к ситуациям, когда ему не предъявляют для дачи заключения никаких объектов. Данный критерий вполне приемлем для практических нужд, поскольку ясен и прост: нет объекта — нет исследования.

На что в таком случае уполномочен специалист при даче заключения, если даже осмотр объекта — прерогатива эксперта? Его суждение, по сути, абстрактно, не связано с конкретным предметом или ситуацией, т.е. речь идет исключительно о консультировании правоприменителей? Сторонники такого подхода, рассматривая понятие «суждение» (ключевое для уяснения сущности заключения специалиста), прямо подчеркивают его умозрительный характер⁸.

В качестве примера можно привести следующие вопросы, решать которые специалист вправе ввиду отсутствия объекта исследования: в каком нормативном правовом акте (стандарте) определены требования к услугам той или иной группы? каков технологический

процесс обработки ковкой стального изделия данной марки?

Таким образом, практическое значение заключения специалиста как нового средства доказывания нам видится в том, чтобы упростить процедуру использования специальных знаний в уголовном процессе. Действительно, назначение и производство экспертизы сопряжено с соблюдением ряда формальных требований: вынесение постановления в соответствии с нормами УПК РФ, ознакомление с ним отдельных участвующих в деле лиц, ознакомление их же с заключением эксперта, разрешение возможных при этом ходатайств и т.д.⁹ Дача заключения специалистом подобным правилам не подчинена. Поэтому изменение в 2003 г. норм УПК РФ (появление нового доказательства — заключения специалиста) в любом случае следует оценить положительно, учитывая, что поле его деятельности, невзирая на возможные ограничения, остается довольно широким.

Литература

1. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / ответственный редактор Р.В. Шагиева. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 576 с.
2. Божкова Н.Р. Специалист как участник уголовного судопроизводства / Н.Р. Божкова // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 7–9.
3. Гришина Е.П. Производство экспертизы и получение заключения специалиста на стадии судебного разбирательства уголовных дел: проблемы правовой регламентации / Е.П. Гришина // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 11–13.
4. Зайцева Е.А. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о применении специальных знаний и эрозия правового института судебной экспертизы / Е.А. Зайцева // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сборник статей / под общей редакцией И.С. Дикарева. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. С. 38–48.
5. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : диссертация доктора юридических наук / Е.А. Зайцева. Москва, 2008. 535 с.
6. Зинин А.М. Особенности регламентации использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений / А.М. Зинин // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6 (31). С. 749–751.
7. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 368 с.
8. Кузнецов С.А. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание) / С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. Москва : Изд. дом В. Ема, 2014. 310 с.
9. Логвинец Е.А. Заключение специалиста (проблемы использования в доказывании) / Е.А. Логвинец // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 33–36.
10. Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы) : автореферат диссертации доктора юридических наук / Ю.К. Орлов. Москва, 1985. 54 с.
11. Темираев О. Компетенция специалиста / О. Темираев // Законность. 2005. № 6. С. 39–40.
12. Федотов И.С. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу / И.С. Федотов // Уголовное право. 2014. № 3. С. 107–114.

¹ В свое время на данный вопрос затруднились ответить около 40% опрошенных судей. См.: Логвинец Е.А. Заключение специалиста (проблемы использования в доказывании) // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 33–36.

² См., например: Божкова Н.Р. Специалист как участник уголовного судопроизводства // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 7–9; Федотов И.С. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 3. С. 109.

³ Зинин А.М. Особенности регламентации использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6 (31). С. 751; Зайцева Е.А. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о применении специальных знаний и эрозия правового института судебной экспертизы // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. С. 46.

⁴ Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. С. 443.

⁵ Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 226.

⁶ См., напр.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы) : авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 14–16; Гришина Е.П. Производство экспертизы и получение заключения специалиста на стадии судебного разбирательства уголовных дел: проблемы правовой регламентации // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 11.

⁷ Лингвисты так и указывают задачи своего исследования: установление языковых фактов, свидетельствующих о наличии речевых действий с признаками убеждающего воздействия на аудиторию. См.: Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). М. : Изд. дом В. Ема, 2014.

⁸ См., напр.: Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39–40; Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. Т. 1. С. 221.

⁹ Профессор Удмуртского государственного университета Л.Г. Татьяна приводит в пример уголовное дело из 20 томов, из которых девять составляли протоколы ознакомления с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов. Причем ни одного ходатайства участвующими в деле лицами заявлено не было. См. стенограмму парламентских слушаний от 22 апреля 2016 г. по теме «Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации: состояние и перспективы». URL: <http://legislation.council.gov.ru/media/files/1m82NrhC8RHuAecg3N5Wllws7iqm1FAI.pdf> (дата обращения: 28.08.2020).

Об использовании многоуровневого анализа голоса при производстве комплексных экспертных исследований*

Гусев Алексей Николаевич,

профессор факультета психологии

Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,

заведующий Лабораторией исследования поведения

общества с ограниченной ответственностью «Лицом к лицу»,

доктор психологических наук, профессор

angusev@mail.ru

Бондаренко Яков Александрович,

аспирант факультета психологии

Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,

старший научный сотрудник Лаборатории исследования поведения

общества с ограниченной ответственностью «Лицом к лицу»

mail_93@mail.ru

Рассматриваются возможности и преимущества использования метода многомерного анализа голоса человека (LVA) при экспертизе аудиозаписей. Авторы представили сведения о принципах анализа частотных и амплитудных изменений в голосе человека и функциональном значении обобщенных показателей LVA. Отмечена надежность использования этой технологии в целях выявления по голосу эмоционального и когнитивного напряжения, а также возможного сокрытия информации. Представлены доказательства обоснованности данного подхода с позиций концепции уровневой природы мозговой регуляции двигательной активности мышц голосового аппарата. Эффективность данной технологии подтверждается соответствием полученных таким образом результатов выводам эксперта-полиграфолога.

Ключевые слова: психологическая экспертиза аудиозаписей, метод многоуровневого анализа голоса, вокальные параметры голоса, эмоциональный и когнитивный стресс, исследование с применением полиграфа.

The article reviews the opportunities and advantages of the use of a layered human voice analysis (LVA) in the examination of audio records. The authors present the data on the principles of the analysis of frequency and amplitude changes in the human voice and the functional meaning of consolidated LVA ratios. The publication notes the reliability of this technology in the identification of emotional and cognitive tension by voice and possible information hiding. The paper gives evidence that this approach is justified from the standpoint of the concept of the level nature of brain regulation of the voice box muscle movement. The efficiency of this technology is proven by correspondence of the results received using such method and the conclusions of a polygraph examiner.

Keywords: psychological examination of audio records, layered voice analysis, vocal voice parameters, emotional and cognitive stress, polygraph examination.

Технология многоуровневого анализа голоса (*Layered Voice Analysis*, далее — LVA), разработанная компанией Nemesysco (Государство Израиль) до настоящего времени мало известна психологам и криминалистам как инструмент для оценки выраженности в голосе обследуемого лица (далее — ОЛ) признаков неискренности, а также проявлений эмоционального напряжения и когнитивного стресса¹. Суть метода состоит в следующем: если в голосе человека повторяются показатели стресса, то говорящий испытывает дискомфорт, его функциональное состояние отличается от «нормы» (базовой линии), он взволнован, огорчен, затрудняется ответить на вопрос, переживает по этому поводу, пытается скрыть какую-то информацию. Результаты анализа голоса не зависят от содержания речи респондента и языка, на котором он говорит. Они отражают его эмоциональное состояние во время речевого сообщения. Технология LVA подтверждена рядом патентов и в последние годы получила распространение в разных странах².

В основе технологии LVA лежит компьютерный анализ частотных и амплитудных параметров голосового сигнала во времени. Изменения эмоционального и когнитивного напряжения оцениваются по ряду обобщенных показателей (табл. 1).

Согласно данным современной психофизиологии, процесс порождения голоса связан с мозговыми механизмами управления активностью мышц, вызывающих звуковые колебания. Результаты исследований, проведенных выдающимся отечественным физиологом Н.А. Бернштейном, показали, что регуляция движений мышц, обеспечивающая в том числе процесс речепорождения, имеет многоуровневую иерархическую структуру. Оказываются задействованы разные уровни регуляции движений — от поддержания фонового тонуса мышц до уровня их смысловой регуляции³. Вклад каждого уровня отражается в специфических паттернах напряжения / расслабления мышц голосового аппарата, которые, в свою очередь, находят отражение в изменении амплитудных и частотных характеристик голосового сигнала⁴. В современной литературе представлены надежные данные об отражении в физических характеристиках голосового сигнала индивидуально-психологических особенностей человека⁵.

Далее представим сведения о надежности и валидности использования технологии LVA при производстве комплексного психофизиологического исследования с применением полиграфа (далее — ПФИ).

Проведенные в разных странах мира исследования подтвердили возможность метода LVA обнаруживать

* On the Use of a Layered Voice Analysis in Carrying out of Complex Expert Examinations

Gusev Aleksey N., Professor of the Faculty of Psychology of the Lomonosov Moscow State University (MSU), Head of the Behavioral Research Laboratory at Face to Face Limited Liability Company, Doctor of Psychology, Professor

Bondarenko Yakov A., Postgraduate Student of the Faculty of Psychology of the Lomonosov Moscow State University (MSU), Senior Research Scientist of the Behavioral Research Laboratory at Face to Face Limited Liability Company

Таблица 1

Основные обобщенные показатели LVA

Название показателя	Физический смысл показателя	Функциональное значение показателя
SPT	Количество пиков	Уровень эмоционального компонента стресса
SPJ	Количество участков плато	Уровень когнитивного компонента стресса
JQ	Стандартное отклонение длительности участков плато	Общий уровень стресса
AVJ	Средняя длительность участков плато	Общий уровень мыслительной нагрузки
FMAIN	Частота основного тона голоса	Уровень концентрации на теме
FX	Представленность значимых пиков в частотном спектре сигнала, его разнообразие	Показатель лжи
FQ	Однообразие или уплощенность частотного спектра, отсутствие в нем выраженных пиков	Показатель лжи
FFLIC	Вариативности частотного спектра	Смущение и внутренние конфликты

факты сокрытия или искажения предоставляемой ОЛ информации при его сравнении с ПФИ.

Так, в статье Г. Ван Дамма показана высокая эффективность технологии LVA как инструмента верификации лжи⁶. В его исследованиях наблюдалась точность выявления неискренности в сравнении с полиграфом от 94 до 98% (процент совпадений с выводами полиграфологов).

В экспериментах А. Элкинса систематически изучались возможности использования LVA⁷. В ходе интервью, включавшего сообщение ОЛ секретной информации, автор оценивал вокальные характеристики его голоса. Результаты показали высокую чувствительность, по крайней мере двух обобщенных показателей LVA (FMAIN и AVJ) и одного интегрального показателя SOS (Say or Stop — сказать или промолчать) при разграничении ответов 96 респондентов на ложные и правдивые. Также была подтверждена эффективность использования показателей LVA как предикторов когнитивного напряжения и попытки испытуемых сообщить недостоверную информацию. Аналогичные результаты были получены другими исследователями⁸.

Интересные данные представили корейские криминологи, показав возможность использовать метод LVA в качестве «голосового детектора лжи»⁹. Авторы проанализировали 38 кейсов из расследований Управления столичной полиции г. Сеула (Республика Корея), сравнивая эффективность двух процедур — ПФИ и LVA. Отметив высокий уровень совпадения данных (86,8%), авторы сделали вывод о том, что метод LVA может играть роль важного вспомогательного средства, существенно дополняющего ПФИ.

Пристального внимания заслуживают исследования американских специалистов¹⁰, получивших подтверждение эффективности технологии LVA от экспертов-полиграфологов. В работе сообщается о том, что в анализируемых ситуациях оба подозреваемых признали свою вину и были осуждены за убийство. Каждое из их 48 голосовых высказываний изучили и сопоставили с материалами дела.

Метод LVA показал стопроцентную эффективность при определении стресса и оценке вероятности лжи. В ряде других публикаций приводятся аналогичные данные¹¹.

В литературе отмечается продуктивность анализа голоса при выявлении скрываемых намерений совершения преступлений на сексуальной почве.

Так, в отчете М. Адлера сообщается, что показатели LVA позволяют обнаружить в ответах преступников, совершающих преступления на сексуальной почве, надежные знаки обмана¹². Он проводил двойное слепое сравнение LVA с ПФИ и обнаружил высокий уровень совпадения результатов использования данных методов разделения ложных и правдивых высказываний преступников, а также отметил ряд преимуществ метода LVA по сравнению с ПФИ.

Реакции активации у педофилов изучал Г. Конради¹³. В рамках проекта «Стоп педофилам» он обследовал 15 человек, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и показал эффективность использования LVA для оценки уровня их умственного напряжения и эмоционального возбуждения в ходе обсуждения материалов дела.

Таким образом, на вопрос, можно ли LVA использовать наряду с полиграфом или вместо него, следует ответить положительно. В настоящее время дискуссия, на наш взгляд, должна перейти в практическую область, для того чтобы правоприменители могли понять, когда целесообразно LVA: а) при невозможности провести ПФИ; б) в качестве процедуры, дополняющей исследование, проводимое полиграфологом; в) в рамках психологической экспертизы по видеозаписям следственных и иных действий и мероприятий¹⁴.

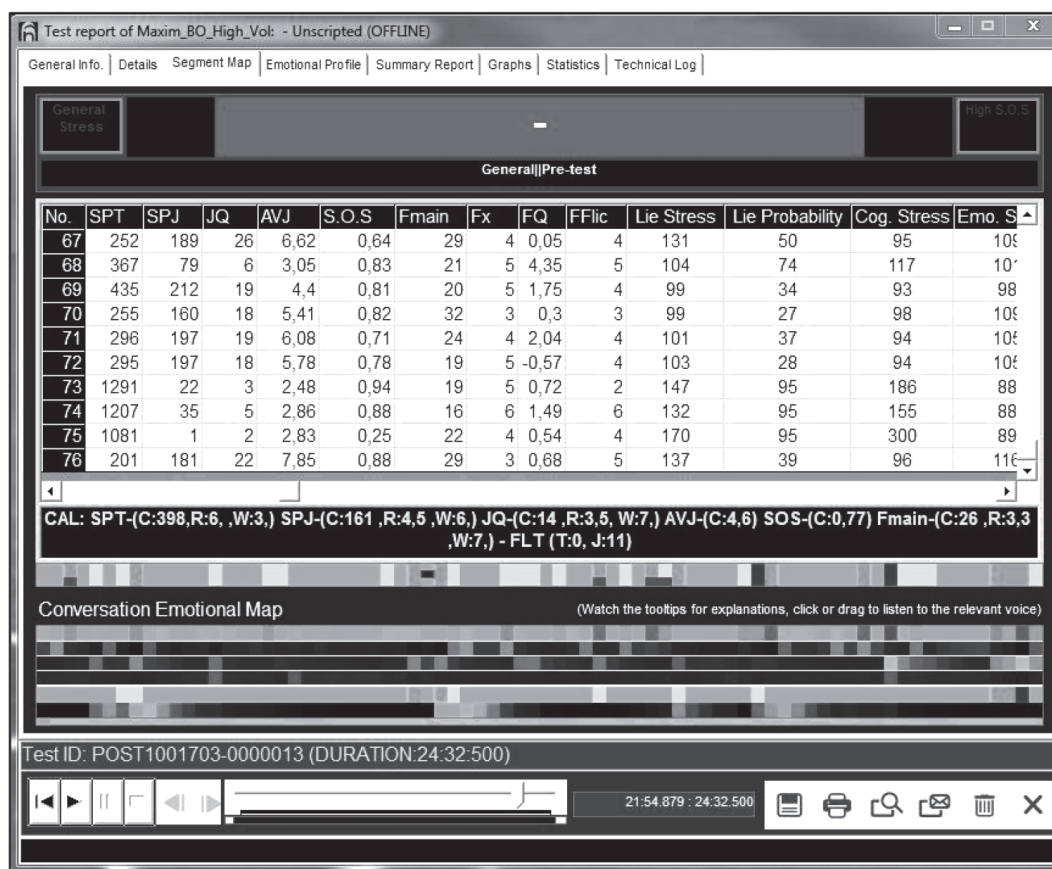
Далее представим примеры использования программного обеспечения LVA-i для проведения экспертизы состояния человека по голосу.

Первый кейс связан с расследованием, проведенным службой безопасности банка по поводу подозрения ИТ-специалиста в передаче клиентской базы данных третьему лицу. Беседу с заподозренным проводил опытный психолог. Анализ голоса ОЛ за весь период беседы

Таблица 2

Вероятность лжи субъекта в сообщаемой им информации

Сегмент	Содержание беседы	Вероятность лжи, %
7	Сообщает, что в банк NNN его привел приятель К.П.	76
8	Сообщает, что с предыдущих мест работы увольнялся положительно	95
29–31	Сообщение о факте передачи логин-пароля коллеге К.П.	95
36	Сообщение о подключении К.П. к его компьютеру с помощью флеш-диска	80
43	Сообщение о подозрении К.П. в копировании базы данных с его компьютера	95
56	Отказ от подтверждения («такого факта подтвердить не могу») появления К.П. на работе в состоянии наркотического опьянения («накурен»)	78
63–65	Сообщение о наличии у К.П. «зачапки» наркотических средств	95
73–76	Сообщение о неупотреблении самим кокаина + признание в употреблении амфетамина	95

Илл. Скриншот экрана ПО LVA-i в ходе анализа аудиозаписи

показал высокий уровень стресса наряду с высоким уровнем самоконтроля, что, как правило, свидетельствует о желании человека скрыть определенную информацию. Показатель риска (*Risk Value*) достиг четвертого уровня по пятибалльной шкале.

В таблице 2 представлено соответствие сегментов записи голоса, получивших высокую оценку с точки зрения вероятности лжи (индекс *Lie Probability* превысил 75%), содержанию ключевых частей интервью, связанных с мотивами служебного проступка.

На иллюстрации показана таблица изменения всех анализируемых показателей. Крайний левый столбец таблицы — номер сегмента записи, выделенного автоматически, столбцы справа — значения показателей LVA. В середине экрана — «тепловые» карты, демонстрирующие изменения величин показателей LVA во времени. Внизу — элементы управления плеером для прослушивания аудиозаписи (слева) и сервисные функции программного обеспечения (справа). В нижней части рисунка — распределение сегментов аудиозаписи по времени с указанием уровня риска и выраженности эмоций. Видно, что в сегментах 73–75 наблюдаются высокие значения показателей *Lie Stress* (стресс, связанный с ложью), *Lie Probability* (вероятность лжи) и *Cog. Stress* (когнитивный стресс).

Второй кейс касается расследования дела об убийстве молодой женщины. Муж позвонил в полицию и сообщил, что его жена совершила самоубийство. В целом по записи был обнаружен высокий показатель риска (*Averaged Risk Level*) — 70%, что с большой вероятностью указывает на отражение в голосе подозреваемого факта сообщения лжи.

Характерный паттерн *Suspected + High Anticipation*, свидетельствующий о высоком уровне произвольного

контроля и связанного с этим ожидания реакции сотрудника полиции на сообщение о самоубийстве супруги, был обнаружен на 12–14 сегментах аудиозаписи. В это время подозреваемый произносит следующие слова: «Ранение в голову. Попытка суицида». Одновременно мы наблюдаем невысокий уровень показателей когнитивного напряжения (в сегменте 4 индекс *SPJ* равен 11). На протяжении 14 выделенных в аудиозаписи сегментов семь раз обнаруживается такой интегральный показатель стресса, как *High Anticipation*, указывающий на выраженность в голосе ОЛ настороженности и сомнения относительно того, как оценит его сообщение сотрудник полиции. Высокие значения этого показателя свидетельствуют о сильной концентрации ОЛ на сказанном, причем сопровождающий этот процесс уровень когнитивной нагрузки оказывается весьма незначительным, т.е. говорящий не напрягался, сообщая полицейскому крайне эмоциональную информацию.

Таким образом, надо признать, что при производстве сразу нескольких видов экспертиз может оказаться полезным использование такого важного источника информации, как изменения вокальных характеристик голоса ОЛ, отражающих протекание скрытых от прямого наблюдения психических процессов, связанных с проявлениями лжи, эмоционального напряжения и когнитивной нагрузки.

Преимущества LVA по сравнению с уже известными технологиями, на наш взгляд, состоят в следующем: 1) любая дополнительная информация об изменении базовых психических процессов важна сама по себе, учитывая широкие возможности человека по произвольной или непроизвольной регуляции своих психофизиологических функций; 2) анализ голоса человека может выполняться дистанционно.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн. Москва : Медицина, 1966. 350 с.
2. Васильева О.А. Обзор методов выявления психологических признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства / О.А. Васильева, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова // Эксперт-криминалист. 2018. № 2. С. 15–19.
3. Гусев А.Н. Анализ голоса в обеспечении безопасности финансовых организаций: использование технологии LVA / А.Н. Гусев // Внутренний контроль в кредитной организации. 2019. Т. 41. № 1. С. 82–93.
4. Комиссаров В.И. К вопросу о возможности назначения комплексных судебных психолого-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа / В.И. Комиссаров, Я.В. Комиссарова // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции (г. Калуга, 22–23 сентября 2016 г.). Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. С. 122–129.
5. Adler, M.J. Detecting deceptive responses in sex offenders: A comparison of layered voice analysis (LVA) and the polygraph / M.J. Adler // Working paper, Counseling and Consultation Services. Inc. Limestone, TN. 2009.
6. Alba-Ferrara, L. Decoding emotional prosody: resolving differences in functional neuroanatomy from fMRI and lesion studies using TMS / L. Alba-Ferrara, A. Ellison, R.L.C. Mitchell // Brain Stimulation. 2012. Vol. 5. Iss. 3. P. 347–353.
7. Bänziger, T. The role of perceived voice and speech characteristics in vocal emotion communication / T. Bänziger, S. Patel, K.R. Scherer // Journal of nonverbal behavior. 2014. Vol. 38. Iss. 1. P. 31–52.
8. Conradie, H. The sexual arousal factor in pedophiles / H. Conradie // Codicillus. 2007. Vol. 48. Iss. 1. P. 31–54.
9. Elkins, A.C. Vocalic markers of deception and cognitive dissonance for automated emotion detection systems (Order No. 3473611) : A Dissertation submitted to the Faculty of the Committee on business administration / A.C. Elkins. The University of Arizona. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global (896130933), 2011. 184 p.
10. Elkins, A. Vocal Analysis Software for Security Screening: Validity and Deception Detection Potential / A. Elkins, J. Burgoon, J. Nunamaker // Homeland Security Affairs. 2012. Vol. 8. P. 17–32.
11. Juslin, P.N. Vocal Expression of Affect / P.N. Juslin, K.R. Scherer // New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford University Press, 2005. P. 65–135.
12. Gamer, M. Psychophysiological and vocal measures in the detection of guilty knowledge / M. Gamer, H.-G. Rill, G. Vossel, H. Godert // International Journal of Psychophysiology. 2006. Vol. 60. P. 76–87.
13. Grandjean, D. Brain Networks of Emotional Prosody Processing / D. Grandjean // Emotional Review. March. 2020.
14. Haddad, D. Investigation and evaluation of voice stress analysis technology (final report) / D. Haddad, S. Walter, R. Ratley, M. Smith // National Institute of Justice. 2002.
15. Lee, Jae-Seok. A study on the utilization of 'voice lie detector' / Lee Jae-Seok, Lee Tae, Lee Yun // Korean Journal of Polygraph. 2010.
16. Palmatier, J.J. Assessing credibility: ADVA technology, voice and voice stress analysis / J.J. Palmatier // Corporate Investigations / R.J. Montgomery, W.J. Majeski. Lawyers & Judges Publishing Company, 2005. P. 37–60.
17. Pietruszka, J. A renaissance in voice analysers as tools for detection of deception? / J.A. Pietruszka // European Polygraph. 2009. Vol. 1. Iss. 7. P. 33–40.
18. Puyvelde, M. Voice stress analysis: a new framework for voice and effort in human performance / M. Puyvelde, X. Neyt, F. McGlone, N. Pattyn // Frontiers in psychology. 2018. Vol. 9. Iss. 1994. P. 1–25.
19. Takács, S. Megtévésztes tipológiája — összefoglaló tanulmány / S. Takács, A. Liberman, L. Benczúr // Psychologia Hungarica. 2016. Vol. 4. Iss. 2. P. 7–26.
20. Tunnell, D.L. Voice frequency analysis of cognitive stress differences between men and women during an episodic deception task (Order No. 3546941) / D.L. Tunnell // ProQuest Dissertations & Theses Global (1267146154), 2012.
21. Van Damme, G. Forensic criminology and psychophysiology: Truth verification tools, with a special study of Truster Pro / G. Van Damme // Crime Research in South Africa. 2001. Vol. 2. Iss. 1. P. 1–22.

¹ Elkins, A., Burgoon, J., Nunamaker, J. Vocal Analysis Software for Security Screening: Validity and Deception Detection Potential // Homeland Security Affairs. 2012. V. 8. P. 17–32.

² Гусев А.Н. Анализ голоса в обеспечении безопасности финансовых организаций: использование технологии LVA // Внутренний контроль в кредитной организации. 2019. Т. 41. № 1. С. 82–93.

³ Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М. : Медицина, 1966. С. 350.

⁴ Grandjean, D. Brain Networks of Emotional Prosody Processing // Emotional Review. 2020; Alba-Ferrara, L., Ellison, A., Mitchell, R.L.C. Decoding emotional prosody: resolving differences in functional neuroanatomy from fMRI and lesion studies using TMS // Brain Stimulation. 2012. V. 5. No. 3. P. 347–353.

⁵ Puyvelde, M., Neyt, X., McGlone, F., Pattyn, N. Voice stress analysis: a new framework for voice and effort in human performance // Frontiers in psychology. 2018. Vol. 9. P. 1994; Bänziger, T., Patel, S., Scherer, K.R. The role of perceived voice and speech characteristics in vocal emotion communication // Journal of nonverbal behavior. 2014. Vol. 38. No. 1. P. 31–52; Juslin, P.N., Scherer, K.R. Vocal Expression of Affect // New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford University Press. 2005. P. 65–135.

⁶ Van Damme, G. Forensic criminology and psychophysiology: Truth verification tools, with a special study of Truster Pro // Crime Research in South Africa. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 1–22.

⁷ Elkins, A.C. Vocalic markers of deception and cognitive dissonance for automated emotion detection systems (Order No. 3473611) // A Dissertation submitted to the Faculty of the Committee on business administration. The University of Arizona. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global (896130933), 2011.

⁸ Tunnell, D.L. Voice frequency analysis of cognitive stress differences between men and women during an episodic deception task // Proquest. 2012.

⁹ Lee, Jae-Seok, Lee, Tae, Lee, Yun. A study on the utilization of 'voice lie detector' // Korean Journal of Polygraph. 2010.

¹⁰ Haddad, D., Walter, S., Ratley, R., Smith, M. Investigation and evaluation of voice stress analysis technology (final report) // National Institute of Justice. 2002.

¹¹ Pietruszka, J.A. renaissance in voice analysers as tools for detection of deception? // European Polygraph. 2009. Vol. 7. No. 7. P. 33; Palmatier, J.J. Assessing credibility: ADVA technology, voice and voice stress analysis // Corporate Investigations. 2005. P. 37–60; Takács S., Liberman A., Benczúr L. Megtévésztes tipológiája — összefoglaló tanulmány // Psychologia Hungarica. 2016. Vol. 4 No. 2. P. 7–26; Gamer, M., Rill, H.-G., Vossel, G., Godert, H. Psychophysiological and vocal measures in the detection of guilty knowledge // International Journal of Psychophysiology. 2006. Vol. 60. P. 76–87.

¹² Adler, M.J. Detecting deceptive responses in sex offenders: A comparison of layered voice analysis (LVA) and the polygraph // Working paper, Counseling and Consultation Services. Inc. Limestone, TN. 2009.

¹³ Conradie, H. The sexual arousal factor in pedophiles // Codicillus. 2007. Vol. 48. No. 1. P. 31–54.

¹⁴ См., напр.: Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. К вопросу о возможности назначения комплексных судебных психолого-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : сборник статей международной научно-практической конференции (22–23 сентября 2016 г.). Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. С. 122–129; Васильева О.А., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Обзор методов выявления психологических признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства // Эксперт-криминалист. 2018. № 2. С. 15–19.

Учет родительско-детских отношений при принятии решения судом (по материалам судебных психологических экспертиз)*

Купцова Наталья Вадимовна,

старший преподаватель кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии
kircovanv@mail.ru

Лисовцева Вера Михайловна,

старший преподаватель кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии
vlisovceva@yandex.ru

Петрова Любовь Георгиевна,

доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, кандидат психологических наук
l.petrova53@yandex.ru

Целью статьи является привлечение внимания сотрудников правоохранительных и судебных органов, а также граждан к актуальным проблемам, возникающим при производстве по гражданским делам в случаях распада семьи, в составе которой имеются дети. На примерах из личной экспертной практики авторами рассматривается вопрос о значимости психологических исследований при решении задач в рамках статей 57 и 61 Семейного кодекса РФ, а также необходимости учета выявленных психологических особенностей семейных ситуаций при принятии решений судом.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебная психологическая экспертиза, семейная ситуация, родительско-детские отношения, права родителей, права ребенка.

The purpose of the article is drawing the attention of employees of law enforcement and judicial authorities and citizens to relevant issues arising in civil case proceedings when a family with children breaks down. Based on the examples from the personal expert practice, the authors review the issue of the importance of psychological examinations in solution of tasks within the framework of Articles 57 and 61 of the Family Code of the Russian Federation and the need for taking the identified psychological peculiarities of family situations into account in decision-making by court.

Keywords: civil procedure, forensic psychological examination, family situation, parent-child relations, parents' rights, child's rights.

Содержание родительских прав и обязанностей определено и закреплено в п. 1 ст. 61 Семейного кодекса РФ: родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, они несут ответственность за воспитание, обязаны заботиться о здоровье (физическом и психическом), духовном и нравственном развитии своих детей. Воспитание ребенка — личное неотъемлемое право каждого родителя. Хотя об этом прямо в Семейном кодексе РФ и не говорится, однако отец и мать имеют равные родительские права независимо от того, состоят ли они в браке, живут вместе или раздельно и т.п. Важно одно: отцовство и материнство должно быть зарегистрировано в органах ЗАГС¹.

Авторы статьи достаточно часто участвуют в производстве по гражданским делам в качестве экспертов при разрешении юридических споров: в случае расторжении брака и определения места жительства детей; при определении порядка общения с детьми при раздельном проживании родителей; при определении наличия негативного влияния как одного из родителей на ребенка (детей), так и ближайших родственников

(в целях вынесения запрета на их дальнейшее общение и взаимодействие с ними). В судебных спорах содержание п. 1 ст. 61 Семейного кодекса РФ зачастую воспринимается субъективно не только каждым из родителей, но и судом. Стороны пытаются отстоять собственное мнение относительно сложившейся ситуации. На наш взгляд, психолог должен помочь прояснить взаимоотношения родителей, их видение своей роли в воспитании ребенка, формировании уважения, любви и взаимопонимания между каждым из родителей и ребенком (детьми).

Права ребенка — особая тема для современного мирового сообщества. Права ребенка на международном уровне закреплены Декларацией прав ребенка (принята Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.), Конвенцией о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.), Всемирной декларацией об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-

* Taking Parent-Child Relations into Account in Decision-Making by Court (Based on Files of Forensic Psychological Examinations)

Kuptsova Natalya V., Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Education of the Saratov State Law Academy

Lisovtseva Vera M., Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Education of the Saratov State Law Academy

Petrova Lyubov G., Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Examination and Education of the Saratov State Law Academy, PhD in Psychology

Йорк, 30 сентября 2000 г.). Права ребенка закреплены в Конституции РФ и Семейном кодексе РФ.

Согласно ч. 2 ст. 28 ГК РФ «Дееспособность малолетних» ребенок по достижении шести лет вправе самостоятельно совершать: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Разумно предположить, что по крайней мере с того же возраста ребенок способен сформировать свое мнение относительно того, с кем из родителей он хотел бы проживать. Обоснованность мнения малолетнего, соответствие того, о чем говорит ребенок, его же интересам оцениваются судом. Таким образом, способность ребенка сформулировать свою позицию в конфликтной ситуации тесно связана с общим уровнем психического развития ребенка, его возрастом и зрелостью и является одним из значимых критериев для определения права ребенка на свое мнение, что позволяет его учитывать в судебной практике. Законодатель (ст. 57 Семейного кодекса РФ) подтверждает: «Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам».

Одним из наиболее сложных в гражданском судопроизводстве является разрешение споров о праве на воспитание детей. Природа детской психики консервативна, и сам факт развода родителей уже является травмирующим обстоятельством, что должно учитываться судом.

В процессе подготовки к осуществлению юридической деятельности обучающиеся в вузах изучают такие дисциплины, как «Психология и педагогика», «Юридическая психология», «Конфликтология». Однако опыт нашего участия в судопроизводстве по рассматриваемой категории дел свидетельствует, что даже при наличии внимания к психолого-педагогическим аспектам разрешаемых юридических споров при вынесении решения судьи крайне редко используют результаты, полученные в ходе психологического исследования родительно-детских отношений. Этот факт нас тревожит.

Считается, что любая деятельность, осуществляемая человеком профессионально, независимо от области приложения сил, должна быть нацелена на развитие общества, создание более комфортных условий для реализации потенциала каждого из его членов. Нормативные правовые акты позволяют облачать мнение лиц, обладающих специальными знаниями, в форму, приемлемую для интеграции их выводов в базис для принятия процессуальных решений. В свою очередь, специфика правоприменительной деятельности накладывает свой отпечаток на восприятие ответственности и рефлексивное оценивание значимости отдельно взятого закона с точки зрения общественной пользы. Буквальное исполнение требований закона не позволяет человеку думать о возможных последствиях, мешает оценить, насколько изменит принятое решение условия семейного воспитания и путь развития ребенка как личности.

Принимая решение об определении места жительства ребенка или об определении порядка общения с ребенком при раздельном проживании родителей, суд чаще всего исходит из факторов непсихологического свойства. Апеллируя к юридическим формальным критериям при принятии судебного решения, судьи порой даже не пытаются осознать истинные мотивы родителя, подавшего иск об определении места жительства ребенка.

Исторически в нашем обществе сложилась ситуация, когда функции заботы о здоровье, развитии, обучении и воспитании в семье детей в основном исполнялись матерью. Однако за последние 30 лет отношение общества и отдельных его членов (в том числе самих матерей) к такому положению дел изменилось. Изменилось распределение ролей в семье: отцы все чаще осуществляют те функции, которые ранее исполнялись исключительно матерями. Для некоторых матерей сместился акцент с принципа гуманности в отношении ребенка на принцип практичности. Расставаясь с отцом своего ребенка (детей), женщина думает о себе, своих жизненных проблемах, полагая при этом, что разрешать их по-прежнему должен мужчина. При таком подходе к разводу женщина считает, что получает свободу распоряжаться собственным временем и бесконтрольно удовлетворять свои желания, получает то, чего зачастую не удавалось получить ранее — возможность манипулировать поведением отца ребенка и доступ к кошельку мужчины. Ребенок со своими потребностями и желаниями «выпадает» из круга ее интересов, становясь для матери лишь средством реализации собственных устремлений.

Опыт экспертной работы авторов статьи свидетельствует о том, что судебная практика сегодня такова. Ребенку позволяют высказывать в суде собственное мнение о том, с кем из родителей он хочет проживать, лишь при достижении им 10 лет. Если ребенок не достиг этого возраста, суд автоматически оставит его жить с матерью. При этом судьи, как правило, объективно не оценивают возможность женщины финансово обеспечить себя и ребенка, редко задают вопросы о наличии у нее постоянного места работы и не задумываются над тем, какого рода «работа» у женщины (например, в одной из известных нам ситуаций речь шла о занятии проституцией). Чаще всего суд не станет оценивать и образ жизни матери (наличие у нее вредных привычек, постоянно меняющихся сексуальных партнеров, социальный статус ее сожителя(ей) и т.п.). Иными словами, при вынесении судебного решения суд далеко не всегда учитывает информацию, полученную в ходе рассмотрения иска, ориентируясь исключительно на юридические критерии.

Так, при рассмотрении гражданского иска отца к своей сожительнице по поводу проживания его сына с ним (отметим, что в этой ситуации оба родителя работали, но отец финансово был лучше обеспечен) мы услышали следующую фразу из уст матери: «Ребенок (не "сын", а именно "ребенок") должен жить с матерью (не "со мной", а с "матерью") потому, что только мать может научить его любить...» Это утверждение, высказанное с пафосом, оказало магическое воздействие и на суд, и на органы опеки. Констатация факта, что

ребенок проживает не с ней, а с бабушкой и видит мать редко (что женщина и не отрицала, наоборот, утверждала, что ей «*нужно устроить свою личную жизнь*»), не возымела действия. Не повлияло на решение суда и то, что, когда ребенок проводит время с отцом (особенно если его пребывание исчисляется несколькими часами), отец с ним продуктивно взаимодействует: учит играть в шахматы; они читают книги и смотрят мультфильмы, после чего рассуждают по поводу их содержания; вместе занимаются домашними делами. Поскольку ребенок в игровой форме не только получал разнообразные сведения, но и приобретал опыт их оценивания, у него формировались практические умения и навыки, мальчику было интересно общаться с отцом.

Суд оставил ребенка с матерью, а общение с отцом хотя и было определено как ежедневное, но сократил по времени (по два часа в будние дни после возвращения мальчика из детского сада). Очевидно, что и в психологическом, и в социальном плане решение суда повлекло снижение качества общения отца и сына, так как разнообразие форм совместного взаимодействия оказалось сведено к досуговому общению.

Большинство ситуаций, в исследовании которых мы принимали участие в статусе экспертов, инициировались отцами. Именно отцы проявляли внимание к вопросам развития своих детей, заботу по отношению к своим сыновьям и дочерям, которые ранее считались прерогативой матерей. В данной статье мы не станем оценивать этот факт (он требует специального исследования), лишь отметим его наличие как отражение определенных изменений, происходящих в обществе.

Еще один пример, который нам хотелось бы привести, это ситуация так называемого гражданского брака, в котором у пары родились двое детей. На момент судебного рассмотрения дела дочери было 15 лет, сыну пять с половиной лет. Отец — владелец небольшого, но стабильно приносящего доход предприятия, построил для семьи дом, а также организовал для гражданской жены скромный бизнес — открыл магазин. Однако наступил момент, когда мать его детей решила с ним расстаться. Он снял и оплачивал для нее и детей 4-комнатную квартиру (для того чтобы условия проживания были достойными), помогал им финансово. Общаясь с детьми, отец обратил внимание на их неухоженность, нарастающую склонность к праздному времяпрепровождению, снижение успеваемости у дочери. Он предложил жене решить вопрос таким образом, чтобы сын постоянно проживал с ним при полном сохранении финансового обеспечения по отношению к ней и дочери. Жена отказала, что стало основанием для иска в суд. Судебные тяжбы шли практически до достижения сыном 10-летнего возраста. За это время имели место разные обстоятельства, которые могли бы повлиять, но не повлияли на позицию суда. Так, мать, не оставив сведений, однажды уехала с детьми на полтора месяца (впоследствии заявила, что это был запланированный отдых), из-за чего был объявлен их всероссийский розыск. Женщина сожительствовала с мужчиной, вернувшимся из мест лишения свободы, где он провел последние 20 лет. Она позволила сожителю «воспитывать» своего сына «по понятиям» (имели место случаи, когда мужчина притапливал мальчика в реке, чтобы тот слушался свою маму). Ситуация изменилась,

когда ребенку исполнилось 10 лет. Но какое влияние оказали на мальчика судебные споры родителей, какие черты характера и полоролевые особенности поведения сформировались у него за это время — общество узнает гораздо позже...

Почему нас, экспертов-психологов, волнуют такого рода ситуации?

Дело в том, что у ребенка (неважно, какого он пола) в раннем детском возрасте на бессознательном уровне создаются идеальные образы матери, отца, иных близких родственников, образ системы взаимоотношений между ними, стереотипы общения мужчины и женщины, родителей и т.д. Эти образы становятся для ребенка неосознаваемой нормой названных типов взаимодействия. В дошкольном возрасте ребенок демонстрирует увиденные им в семье образцы поведения и реагирования в условиях игры со сверстниками и получает обратную связь в виде оценки окружающими усвоенных им норм взаимодействия с другими людьми. В возрасте 7–10 лет, обучаясь в начальной школе, расширяется диапазон коммуникаций, в которых ребенок также действует в соответствии с воспринятыми нормами, но при этом понимает, что есть границы, за пределами которых он должен проявлять себя иначе. В подростковом возрасте запечатленные им образы и наработанные стереотипы поведения объективизируются в его сознании и могут в дальнейшем определить выбор им своей судьбы и ту роль, которую человек будет играть в обществе³.

Мы полагаем, что при судебном анализе гражданских дел, касающихся родительско-детских отношений, должны учитываться не только юридические критерии принятия судебных решений, но должны быть определены и учтены психологические критерии, соотносимые с данными возрастной психологии и психологии личности.

Литература

1. Асманская М.А. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе / М.А. Асманская // Адвокатская практика. 2013. № 1. С. 10–14.
2. Капцова Е.А. Особенности самосознания подростков при различном восприятии семейной ситуации : автореферат диссертации кандидата психологических наук / Е.А. Капцова. Москва, 2002. 27 с.
3. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студентов вузов / В.С. Мухина. 15-е изд., стер. Москва : Академия, 2015. 656 с.
4. Скабелина Л.А. Возможности использования адвокатом специальных психологических познаний в международных спорах родителей о детях / Л.А. Скабелина // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 12–19.
5. Юрчук В.С. Интересы детей и их обеспечение в национальном законодательстве и международном праве / В.С. Юрчук // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 2. С. 4–8.

¹ URL: <https://yandex.ru/turbo/s/zakonrf.info/sk/61/> (дата обращения: 02.06.2020).

² Здесь и далее цитируются материалы из личного архива авторов статьи.

³ Подробно см.: Капцова Е.А. Особенности самосознания подростков при различном восприятии семейной ситуации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002; Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студ. высш. учеб. завед. 15-е изд. М. : Академия, 2015.

Криминалистический анализ преступной группы (на примере расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем)*

Олиндер Нина Владимировна,

заведующая кафедрой конституционного и административного права

Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

olindernv@yandex.ru

Преступления с использованием электронных платежных систем (в силу технологической сложности), как правило, совершает группа лиц. Поэтому актуальным является не просто изучение личности типичного преступника, а ее характеристика с учетом анализа особенностей формирования и функционирования преступных групп. Организованная преступная группа обладает определенными особенностями, которые позволяют выявить связи и роли внутри группы. Выявленные автором общие характеристики преступной группы, совершающей компьютерные преступления, могут быть полезны следователю как при планировании расследования данной категории преступлений в целом, так и при планировании проведения отдельных следственных действий.

Ключевые слова: преступная группа, электронные платежные системы, компьютерные преступления, расследование преступлений, криминалистический анализ.

Crimes using electronic payment systems are usually committed by a group of persons (as they are technologically complicated). That's why it is relevant not only to study the identity of a typical criminal but to characterize it taking into account an analysis of peculiarities of the establishment and functioning of criminal groups. An organized criminal group has some peculiar features that allow identifying links and roles within the group. General characteristics of a criminal group committing computer related crimes identified by the author may be useful to an investigator planning the investigation of such crime category in general and planning carrying out of some investigative actions.

Keywords: criminal group, electronic payment systems, computer related crimes, crime investigation, criminalistic analysis.

Личность преступника изучается многими юридическими науками (уголовного и уголовно-процессуального права, криминологией, криминалистикой и др.), а также является предметом исследования иных, неюридических наук (психологии, социологии и др.).

Исследования, посвященные личности преступника, проведенные в 1960–1970-х годах М.Г. Коршиком, С.С. Степичевым, А.С. Кривошеевым, Н.Т. Ведерниковым, П.П. Цветковым и другими учеными заложили основу для криминалистического изучения личности как самостоятельного направления в науке¹. Изучению личности преступников и преступных групп при построении криминалистической характеристики компьютерных преступлений уделяли внимание В.Б. Вехов (одним из первых предложил их классификацию), О.Ю. Мелехин и Д.Р. Алембеков (классифицировали преступников, совершающих преступления с использованием пластиковых карт), В.А. Мещеряков (помимо введения в научный оборот понятия «виртуальный след», дал актуальную на тот момент характеристику преступника, совершающего компьютерные преступления) и другие ученые.

Преступления с использованием электронных платежных средств редко совершают преступники-одиночки — как правило, действует группа лиц. Изучение процессов формирования и деятельности такого рода преступных групп целесообразно проводить на основе комплексного подхода.

Так, в целях выявления специфики преступной активности группы целесообразно рассмотреть факторы группового поведения и эффективности группы (постоянные и переменные), которые используются в социологии. Эти сведения могут помочь следователю понять и предвидеть поведение участников преступной группы в ходе расследования.

Среди основных постоянных факторов формирования и действия рассматриваемой категории преступных групп²:

1. Профессиональная сработанность группы. Достаточно часто члены группы «подбираются» на закрытых хакерских сайтах. Прежде чем стать членом такой группы, человек должен показать свой профессионализм в сфере компьютерных технологий, навыки владения компьютерной техникой и программирования, то есть основанием для вступления в группу является в том числе профессиональная пригодность.

2. Морально-психологическая сплоченность группы. Особенностью таких групп является то, что, с одной стороны, ее члены «как бы обезличены» (действуют под «никами», часто их настоящие имена неизвестны), с другой — хакер с его именем («ником») является известной персоной среди других хакеров. Большое значение имеет его авторитет как специалиста среди членов группы и общность интересов с ними.

3. Межличностная совместимость. Данный фактор является наиболее значимым, так как целостность группы напрямую зависит от «комфортности» общения. Группа объединяет разных по темпераменту, характеру и стилю поведения людей. В таких группах наряду с «закрытыми» людьми (иногда с элементами аутизма), которые занимаются только компьютерными программами и могут не общаться с другими, есть лица, которые, например, занимаются обналичиванием денег. А это уже люди с «открытым» характером. Таким образом, межличностная совместимость при наличии «удаленного доступа» проявляется в том, что позволяет взаимодействовать тем, кто в действительности не захотел и не смог бы общаться.

4. Целеустремленность и демократичность. Данный фактор зависит напрямую от руководителей группы.

* A Criminalistic Analysis of a Criminal Group (on the Example of Investigation of Crimes Committed Using Electronic Payment Systems)

Olinder Nina V., Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Togliatti State University, PhD (Law), Associate Professor

Как правило, все члены группы амбициозны, обладают специальными знаниями и навыками, считают себя выше других, могут использовать в своей преступной деятельности современные технологии и часто считают себя «беловоротничковой» преступностью. Как известно, при высоком уровне демократичности, иногда излишне демонстрируемой, в ходе расследования сложно определить руководящие роли и установить лидера(ров).

5. Продуктивность и удовлетворенность. Продуктивность группы зависит от проработки всех элементов атаки, цепочки действий от кражи до вывода денег, четкого распределения ролей.

Среди переменных факторов можно выделить:

1. Групповой уровень притязаний. Данный фактор может варьироваться в зависимости от преступного замысла. При совершении одной атаки члены группы могут определять притязания в равном объеме, а в ходе другой распределять пропорционально «вкладу» каждого.

2. Квалификацию членов преступной группы и позиции в группе, которые влияют на выполняемые субъектами роли. При росте квалификации лицо может менять статус, более того, с приобретением опыта увеличивается количество ролей, которые может выполнить один член группы. В какой-то момент это может привести к численному сокращению группы при одновременном усложнении атак и, следовательно, увеличению сумм на счетах преступников.

3. Требования к конечному результату. Так как роли четко распределены, конечным результатом для каждого

члена группы будет «прохождение» конкретного этапа. Это значит, что часть членов группы могут быть «случайными», нанятыми «вслепую» людьми и не знать о наличии других членов и масштабах преступной активности группы.

4. Степень взаимодействия с другими членами группы; внутригрупповые межличностные коммуникации и постоянный или временный характер группы. Нам представляется важным объединить эти три фактора, так как применительно к анализу преступных групп, совершающих преступления с использованием электронных платежных средств, они тесно связаны между собой. Можно выделить два вида групп: постоянные — давно сформированные, сплоченные группы. Зачастую они обрастают легендами, именно их действия обсуждают на закрытых специализированных форумах, когда не совсем понятно — это реальная группа или группа-фантом. В таких группах четко организовано взаимодействие между отдельными членами, все цепочки группы устойчивы. Второй вид — это группы, созданные спонтанно, иногда для выполнения определенной задачи (например, для разработки вирусной программы). Эти группы носят временный характер, ее члены могут не знать друг друга, как и о наличии соучастников. Как уже было отмечено, члены группы, зная друг друга по «никам» и «аватаркам», в реальной жизни могут никогда не пересекаться.

5. Половозрастной состав группы. Относительно этого показателя мнение специалистов меняется с течением времени. Так, если в середине 1990-х годов, когда были проведены первые исследования, нижний предел

Таблица

Криминалистический анализ социальных ролей в преступной группе

Название роли	Характеристика роли по типу поведения	Криминалистическая характеристика роли в преступной группе
Инициатор-вдохновитель	Лицо, которое является лидером, выдвигает идеи, ставит цель, принимает участие в разработке программы действий	Руководитель группы, который определяет направление преступной деятельности, определяет конечную цель преступления, прорабатывает механизм хакерской атаки
Аналитик	Лицо, работающее не с людьми, а с информацией, которая структурируется, группируется и анализируется. На основе анализа могут делаться прогнозы и выводы	Нередко «аналитики» объединены в группы, разрабатывающие отдельные элементы такой технологии и координирующие свою работу в ходе анонимного общения в закрытых от посторонних разделах «кардерских» или «хакерских» форумов. Продает результаты своей работы за заранее оговоренную сумму или претендует на процент от похищенных денежных средств, если работает в составе устойчивой преступной группы
Программист-разработчик	Прорабатывает идеи, поданные инициатором, занимается постановкой задач и их решением	Разрабатывает программный продукт. Оплата работы «программиста» осуществляется по принципам оплаты работы «аналитика»
Тестер	Лицо, которое должно проводить эксперименты (возможно, социальные) по внедрению «новых продуктов»	Устоявшиеся принципы оплаты труда «тестера» на момент написания нами данной статьи неизвестны. Для потенциально высокоприбыльных технологий факт и содержание работы «аналитика», «программиста», «тестера» держится втайне от их знакомых и хакерско-кардерского сообщества, поскольку впоследствии такая технология или ее отдельные элементы станут объектом продажи
Пользователь технологией	Так называемый «покупатель», который за деньги приобретает разработанный продукт как конечный потребитель или как перекупщик	«Пользователь технологией» — лицо, купившее технологию совершения преступления в целом или ее отдельные элементы. Использует ее в противоправных целях, получает результаты (например, похищенные посредством вредоносной программы реквизиты доступа к счету) с целью перепродажи их иным лицам
Контролер-оценщик	Критически оценивает деятельность группы на всех этапах ее деятельности, выявляет отклонения с целью координации заданий	Лицо, которое следит за частотой хакерских атак, выявляет признаки разоблачения. Призвано обеспечивать безопасность группы
Вербовщик	Человек с навыками профессионального общения, возможно с психологическим образованием, который может понимать и оценивать скрытые мотивы собеседника	«Менеджер по подбору персонала», разумеется, с учетом специфики деятельности группы (подбирает нужных специалистов в преступную группу)

возраста преступников был около 20 лет, то уже в конце 90-х он опустился до уровня 17 лет³. Специалистами было предложено выделять всего две группы лиц: а) 13–20 лет; б) 21 год и старше⁴.

Особое значение имеет распределение социальных ролей в группе. Ранее в ходе криминалистического анализа личности преступника, совершающего преступления с использованием электронных платежных средств и систем, нами была предложена следующая классификация членов преступной группы: аналитик, программист, тестер, пользователь технологией, обналщик⁵.

Взяв за основу классификацию ролей преступной группы, приведенную выше, а также классификацию ролей в группе по типу поведения в социуме, можно ранее выявленные роли уточнить: «инициатор-вдохновитель», «аналитик», «программист-разработчик», «тестер», «пользователь технологией», «контролер-оценщик», «вербовщик» (в таблице приведены результаты криминалистического анализа социальных ролей в преступной группе).

Нами были проведены опрос и анкетирование следователей. Целевая выборка составила 25 человек (по принципу участия в расследовании рассматриваемой категории уголовных дел). Целью исследования был анализ деятельности преступных групп, совершающих компьютерные преступления, на основе социологической характеристики: а) характеристика членов группы (опыт, способности, образование); б) структурная характеристика группы (коммуникации и нормы; статус и роли каждого участника; личные симпатии и антипатии; сила и конфликтность); в) ситуационная характеристика группы (численность группы; пространственное расположение группы; задачи, решаемые группой; система вознаграждения).

Анализируя результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Относительно половозрастной характеристики членов преступных групп надо сказать, что это мужчины, преимущественно в возрасте от 21 до 30 лет. Это объясняется тем фактом, что именно этот возраст характеризуется большей осведомленностью в области современных компьютерных и интернет-технологий, которые способны опережать имеющиеся технологии защиты информации.

Что касается уровня образования лиц, вступивших в преступное сообщество, по рассматриваемой категории дел, это в большинстве случаев лица, имеющие высшее либо среднее профессиональное образование. Причем респонденты ответили, что у большинства членов преступной группы есть специальные навыки, касающиеся области совершения правонарушений. Может ли это означать, что у них имеется профильное образование, говорить сложно. Однозначно, это образованные люди, разбирающиеся в ИТ-технологиях, уровень знаний которых «выше среднего». В обозначенном контексте примечательны варианты ответа на вопрос анкеты: «Верно ли утверждение, что у лиц, включенных в преступное сообщество, обязательно имеется опыт профессиональной деятельности в сфере высоких технологий?» Полностью согласились с этим утверждением 20% опрошенных респондентов, еще 36% ответили: «Скорее да, чем нет».

Говоря о структурной характеристике группы, необходимо отметить следующее. При внутрigrупповой коммуникации, как правило, используются закрытые группы в мессенджерах (Viber, WhatsApp и проч.) и закрытые сайты. Одним из поводов выбора потенциальных участников преступной группы можно считать демонстрацию способностей на закрытых сайтах хакеров и авторитет среди профессионального сообщества в области высоких технологий.

Как указали 60% респондентов, в преступной группе, совершающей компьютерные преступления, имеется четкое распределение социальных ролей. Следователи согласны, что в большинстве случаев предложенная нами классификация отражает социальные роли в преступной группе («инициатор-вдохновитель», «аналитик», «программист-разработчик», «тестер», «пользователь технологией», «контролер-оценщик»). При этом необходимо отметить, что возможно и совмещение нескольких социальных ролей одним членом группы. Также преобладающее большинство респондентов (96%) согласилось с утверждением, что статус члена преступной группы зависит от его социальной роли.

Ситуационная характеристика исследуемой преступной группы выглядит следующим образом. Как правило, это группа, которая включает небольшое число участников — 3–5 человек (редко — до 3 человек). Эксперты едины во мнении, что такие преступления чаще всего совершаются удаленно. Как правило, члены преступной группы являются жителями разных населенных пунктов. Чуть больше половины респондентов считают, что в момент совершения противоправных действий преступники находятся в интернет-кафе или в иных публичных местах (например, коворкинг-центрах).

Однозначно можно утверждать, что группы лиц, совершающие компьютерные преступления, действуют с целью наживы. Внутри группы для некоторых видов работ (например, написание компьютерной программы) предусмотрено установление фиксированного вознаграждения. Размер получаемого вознаграждения обычно зависит от статуса участника преступной группы и от значимости роли, которую он выполняет.

Таким образом, результаты исследования показали устойчивые связи между поведенческими навыками и ролями в преступной группе. Выделены специфические роли участников преступной группы при совершении рассматриваемых преступлений. Знание о роли и свойствах личности преступника позволит работникам правоохранительных органов правильно и своевременно очертить круг подозреваемых при расследовании рассматриваемой категории преступлений, а также будет способствовать профилактике компьютерных преступлений и выявлению потенциальных участников преступных групп.

Литература

1. Белоцерковский С.Д. Актуальные вопросы следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях организованных преступных формирований / С.Д. Белоцерковский // Российский следователь. 2013. № 4. С. 17–19.
2. Борисова С.Е. Психологические особенности личности преступника / С.Е. Борисова // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 26–32.
3. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники : диссертация кандидата юридических наук / В.Б. Вехов. Волгоград, 1995. 276 с.
4. Дикова Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.В. Дикова. Воронеж, 2011. 23 с.
5. Карташова Л.В. Организационное поведение : учебник / Л.В. Карташова, Т.В. Никонова, Т.О. Соломанидина. Москва : ИНФРА-М, 2001. 220 с.

6. Комиссарова Я.В. К вопросу о личности типичного преступника, осуществляющего контрабанду наркотических средств и психотропных веществ / Я.В. Комиссарова, А.А. Шитов // Российский следователь. 2017. № 7. С. 7–10.
7. Мелехин О.Ю. Преступления, связанные с использованием пластиковых платежных средств / О.Ю. Мелехин, Д.Р. Алембеков // Гражданин и право. 2009. № 7. С. 88–90.
8. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ : монография / В.А. Мещеряков. Воронеж : ВГУ, 2001. 255 с.
- 1 Комиссарова Я.В., Шитов А.А. К вопросу о личности типичного преступника, осуществляющего контрабанду наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2017. № 7. С. 7.
- 2 Карташова Л.В., Никонова Т.В., Соломанидина Т.О. Организационное поведение : учебник. М. : ИНФРА-М, 2001. С. 121–126.
- 3 Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995. С. 45–51.
- 4 Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ : монография. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 93–95.
- 5 Дикова Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. С. 16–17.

О требованиях к процедуре судебной экспертизы (взгляд лингвиста)*

Фролова Ольга Евгеньевна,

заведующая лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук
olga_frolova@list.ru

Метаязык судебной экспертизы — это не только формат документа, но и система понятий, отраженных в словах, наделенных значениями. Соответственно, задача лингвиста — прояснить, что подразумевается под словами «доказательство», «достоверность», «исследование», «обоснованность», используемыми при формулировке требований к процедуре и результатам судебной экспертизы, а также при изложении рассуждений эксперта и его выводов. Значения указанных слов определялись по словарям. Анализировались дефиниции значений и употребление слов в речи. Были выделены компоненты значений и описаны модели ситуаций, обозначаемых с помощью интересующих нас слов. Анализируемые слова обнаружили содержательную близость и семантическое единство, поскольку в их значениях входят одни и те же компоненты: соответствие внеязыковой действительности, следование научной процедуре, системность.

Ключевые слова: язык экспертизы, доказательство, достоверность, исследование, обоснованность, модель ситуации.

The metalanguage of forensic examination is not only a document format but a system of concepts reflected in words having meanings. Thus, the linguist's task is to clarify what is stipulated by the words 'evidence', 'reliability', 'examination', 'justifiability' used in wording of requirements for the forensic examination procedure and results and in statement of expert's reasoning and conclusions. The meanings of the mentioned words have been defined in dictionaries. Definitions of meanings and the usage of words in speech have been analyzed. The author has singled out components of meanings and described models of situations defined using the words of interest. The analyzed words have shown closeness of content and semantic unity as their meanings have the same components: correspondence to the extralinguistic reality, following the scientific procedure, systematicity.

Keywords: language of an examination, evidence, reliability, examination, justifiability, model of a situation.

В статье 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ ГСЭД) судебная экспертиза характеризуется как процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний.

Посмотрим, как объясняются значения слов «доказательство», «достоверность», «исследование», «обоснованность» в словарях; какие единицы используют авторы словарей литературного языка и специальных словарей для толкования значений; в каких контекстах употребляются эти слова; какие модели описывают ситуации, названные интересующими нас словами.

С целью определения роли выделенных нами единиц в тексте ФЗ ГСЭД мы подвергли его автоматическому анализу с помощью онлайн-сервиса анализа текстов¹, для того чтобы определить частотность слов в тексте (данные приведены в таблице).

Таблица

Частотность единиц в тексте ФЗ ГСЭД (объем текста 6080 слов)

№ п/п	Слово	Количество употреблений в тексте
1	исследование	67
2	доказательство	4
3	научный	3
4	информация	2
5	факт	2
6	объективность	2
7	объективный	1
8	объективно	1
9	обоснованность	2
10	обоснование	1
11	обоснованный	1
12	анализировать	1
13	достоверность	1

* On Requirements for the Forensic Examination Procedure (a Linguist's View)

Frolova Olga E., Head of the Laboratory of Phonetics and Oral Communications of the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), Doctor of Philology

Слово «исследование» находится на первом месте по частотности в тексте ФЗ ГСЭД, поэтому его семантическая нагрузка довольно велика. Оно может претендовать на статус ключевого слова.

Интересующее нас существительное является отглагольным. В Словаре литературного языка семантика глагола «исследовать» описывается так: «1. что. Подвергнуть — подвергать научному рассмотрению. *Исследовать какой-л. вопрос. Исследовать законы природы. Подробно исследовать.* 2. кого-что. Тщательно осмотреть, осматривать для выяснения, установления чего-л. *Исследовать больного. Исследовать местность. Исследовать место преступления. Внимательно исследовать*»². Словарь выделяет два значения: первое содержит указание на применяемый метод, что выражено в толковании с помощью прилагательного «научный», второе значение подобно указанию лишено.

В зоне толкования обнаруживаем уже упомянутое прилагательное «научный», которое описывает применяемый метод анализа. Поскольку в дефиниции прилагательного словарь дает отсылку к производящему существительному, приведем это толкование по нескольким словарям, так как слово имеет широкую семантику. Наука — «система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления и о способах планомерного воздействия на окружающий мир»³; «система знаний, вскрывающая закономерности в развитии природы и общества и способы воздействия на окружающий мир»⁴; «система знаний о закономерностях развития природы и общества и способах воздействия на окружающий мир»⁵. При толковании значения слова «наука» словари указывают на несколько понятий: системность; универсальность по отношению к объекту (описание природы, общества, мышления); выделение общих воспроизводимых характеристик объекта (закономерностей).

В Логическом словаре-справочнике известного ученого (философа, специалиста в области логики) Н.И. Кондакова также находим объяснение значения термина «исследование»: «Процесс научного изучения какого-либо объекта (предмета, явления — материального или идеального) с целью выявления его закономерностей возникновения, развития и изменения и преобразования его в интересах общества. Всякое подлинное исследование есть единство накопленного предшествующего опыта, имеющихся знаний, применения соответствующих инструментов и орудий и методов, способов подхода к изучаемому объекту. Итогом исследования должно быть получение новых научных знаний — объективной истины, т.е. соответствия вновь сформулированного знания с действительным состоянием объекта, а также намеченных программой исследования практических результатов»⁶.

Теперь мы можем выделить компоненты семантики, или понятия, формирующие значение существительного «исследование»: а) системность; б) универсальность по отношению к объекту; в) знание, подлежащее верификации; г) объективное, истинное, отражение мира; д) выявление закономерностей, следовательно, воспроизводимых, повторяющихся признаков; е) знание, полученное в результате применения научного метода, что отражено в словосочетании «способ воздействия». Как видим, толкования слов «наука» и «исследование» по ряду позиций совпадают.

В заключениях экспертов употребляются как глаголы «исследовать», «исследоваться», так и отглагольные

существительные (указывают на структурный элемент заключения — «Исследование», «Исследовательская часть заключения экспертов»):

(1) *Поскольку все **вопросы**, указанные в определении суда, взаимосвязаны, они **исследовались** совместно с оценкой полученных результатов и формированием выводов по каждому из поставленных вопросов*⁷.

(2) *Для решения вынесенных в определении суда вопросов был проведен лингвостилистический, лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ текста спорных статей с использованием **методов исследования содержания текста**, разработанных в лингвистической семантике и лингвистике текста*⁸.

(3) *Данные выводы подтверждены результатами проведенного в рамках проверки **лингвистического исследования***⁹.

Модель ситуации, описываемой глаголом «исследовать», включает пять участников и содержит указание на субъект (кто?), объект (что?), инструмент и способ/метод (чем? с помощью чего?), цель (зачем?).

Субъект выражается личным существительным, называющим человека («ученый», «автор»), существительным, называющим организацию или ее подразделение («институт», «кафедра», «лаборатория»). Объект может быть выражен, в зависимости от отрасли знаний, названиями предметов, отношений или ситуаций («вещество», «улика», «словесная конструкция»). Инструмент обычно выражен предметным существительным («словарь», «микроскоп»). В отличие от инструмента метод выражен существительными или словосочетаниями со значением процесса («математические методы», «статистический метод», «метод системных построений», «ольфакторный метод»).

Глагол «исследовать» и существительное «исследование» в высказывании универсальны по объекту, т.е. могут быть употреблены в научных трудах всех областей знания. Обращение к Национальному корпусу русского языка, содержащему обширную коллекцию текстов разных стилей на русском языке объемом 119 203 документа, 288 727 494 слова, а также анализ авторефератов юридических диссертаций, показывает чрезвычайно широкий диапазон зависимых компонентов в винительном падеже при глаголе и в родительном при имени существительном: *изучение решений Суда Европейского Союза, правового положения парламентов, общественных отношений; проблем, связанных с созданием аудиовизуальных произведений и охраной авторских прав на них; общих вопросов административного принуждения*¹⁰.

Понятие «метод» также универсально, поскольку входит и в толкование слов «исследовать», «исследование» через прилагательное «научный», и в структуру ситуации, описываемой глаголом. Поэтому приведем толкование термина «метод» у Н.И. Кондакова: «Система правил и приемов подхода к изучению явлений и закономерностей природы, общества, мышления; путь, способ достижения определенных результатов в познании и практике; прием теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь, исходящий из знания закономерностей развития объективной действительности и исследуемого предмета, явления, процесса»¹¹.

Однако объект и метод исследования должны быть содержательно согласованы, что устанавливается в различных отраслях знания и не подлежит собственно лингвистическому анализу.

Термин «валидность» активно употребляется в различных областях (психологии, социологии, судебной экспертизы, технической документации и т.д.), где получает схожие объяснения. Оценка пригодности (валидации) — это подтверждение путем исследования и представления объективных доказательств того, что выполняются конкретные требования к специфическому целевому использованию¹².

Несмотря на частотность, значительно уступающую в тексте ФЗ ГСЭД слову «исследование», понятие обоснованности, по сути, является не менее важным.

Значение глагола «обосновать» объясняется так: «Подтвердить убедительными доказательствами, привести серьезные доводы в пользу чего-л.»¹³. Авторы словаря используют при этом единицы «доказательство» и «довод». Существительное «доказательство» словарь определяет как многозначное: «1. Неопровержимый довод или факт, подтверждающий истинность чего-л. || О том, что является свидетельством, подтверждением чего-л. || Юрид. Фактические данные в уголовном или гражданском делах, свидетельствующие о степени виновности обвиняемого. 2. Лог. Система умозаключений, служащая для установления нового положения на основании данных, принимаемых за истинные»¹⁴. Слово «довод» упоминается в обоих случаях при объяснении значения глагола «обосновать» и существительного «доказательство». Итак, довод — «суждение, мысль, факт, приводимые в доказательство чего-л.; аргумент»¹⁵. В значении слова «довод» важно наличие понятия «высказывание», которое служит аргументом или доказательством, а само существительное «довод» выступает как инструмент, поскольку с его помощью говорящий конструирует выводное знание, с правильностью которого соглашается адресат.

Образованное от глагола абстрактное существительное «обоснованность» в логическом словаре-справочнике толкуется как «такое качество правильного логического мышления, которое свидетельствует о том, что в рассуждении все мысли опираются на другие мысли, истинность которых доказана»¹⁶.

В семантику слова «обоснованность» входят следующие понятия: а) доказательство, б) надежность, в) соотношение высказывания с внеязыковой ситуацией, г) истинность исходного высказывания.

Модель ситуации, названной глаголом «обосновать», предполагает наличие следующих элементов: субъект (кто?), объект (что?), средство (метод) обоснования (чем? с помощью чего?).

Глагол «обосновать» и отглагольное существительное встречаются, в частности, в законодательных текстах и научных трудах.

(4) *Экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности... публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы*¹⁷.

(5) *Целью исследования является разработка и научное обоснование методологических основ су-*

*дебно-медицинской экспертизы с позиций системного единства ее предмета, объекта и субъекта*¹⁸.

В примере 4 не случайно в одном контексте встречаются причастия «обосновывающие» и «оправдывающие» (первое из них означает «имеющие право на существование»). В примере 5 существительное «обоснование» увязывается с научным поиском.

Важное семантическое отличие причастия «обоснован» от конструкции «научно обоснован» заключается в том, что «каждое суждение, используемое в научной работе, прежде чем быть принятым за истинное, должно быть обосновано»¹⁹.

Существительное «доказательство» уже встречалось в наших рассуждениях, поскольку было включено в толкование глагола «обосновать». В Логическом словаре-справочнике производные от глагола толкуются так: доказательство — «(в широком содержательном плане) — логическое действие, в процессе которого истинность какой-либо мысли обосновывается с помощью других мыслей»²⁰.

В значения глагола и производных существительных входят понятия: а) ментальное действие; б) верифицируемость, в) истинность содержания высказывания.

(6) *Результаты проведенных исследований позволили с достаточным основанием поставить вопрос о реальном использовании почвенных наслоений, изъятых с объекта-носителя, в уголовном судопроизводстве в качестве вещественных доказательств*²¹.

(7) *Обоснованы законность, этичность, научность, безопасность, эффективность и допустимость ольфакторного метода исследования запаховых следов человека. Доказана целесообразность его применения для решения ряда экспертных задач*²².

(8) *Мнение может характеризоваться как обоснованное или необоснованное, как доказанное или бездоказательное, но не характеризуется как соответствующее или не соответствующее действительности*²³.

Модель описываемой ситуации для глагола «доказывать» такова: субъект (кто?), объект (что?), средство (чем? с помощью чего?).

В научном дискурсе объект доказывания также универсален. Исключениями служат аксиомы.

Доказательность как характеристика рассуждения получает исчерпывающее объяснение у Н.И. Кондакова: это «логическая принудительность рассуждения; обоснованность тезиса аргументами; важнейшее свойство умозаключения, рассуждения»²⁴. Термин в зоне толкования «принудительность» свидетельствует о том, что рассуждения и выводы не могут быть произвольными.

Существительное «достоверность» является производным, семантика исходного прилагательного такова: «соответствующий действительности, точный, подлинный»²⁵. Достоверными бывают факты, сведения, источники.

Здесь уместно привести и толкование слова «факт», которое уже встречалось в наших рассуждениях, когда мы анализировали семантику глагола «исследовать» и существительного «исследование». Факт — «1. Истинное событие, реальное происшествие или явление, пример, случай. Факт юридический (обстоятельство, с которым связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношений). 2. в функц. сказ. Реальность, действительность»²⁶. Здесь важно отметить, что в

речи данное слово встречается как название события или ситуации, имевших место в действительности, и как сообщения об имевшем место событии, последнее отражено в конструкции «факты подтвердились», что означает, что высказывание о чем-либо было истинным и отражало имевшие в действительности события.

Толкование значения слова «истина» мы приведем по «Логическому словарю-справочнику», поскольку нас интересует научный дискурс: «отражение в создании человека предметов, явлений и закономерностей объективной действительности такими, какими они существуют вне и независимо от познающего субъекта; соответствие содержания мыслей (суждений и понятий) объекту, проверяемое общественной практикой»²⁷. То есть, с позиций семантики, в данном случае важны объективность, независимость от субъекта и верифицируемость.

В значение слова «достоверность» входят следующие семантические компоненты: а) высказывание о чем-либо; б) соответствие содержания высказывания внеязыковой действительности.

(9) Отсутствие слов, обозначающих познавательную деятельность человека, таких как *я думаю, знаю, уверен, мне кажется, возможно, маловероятно, по мнению обозревателей (слова такого типа указывают на субъективность восприятия действительности и обоснования мыслей, следовательно, на неверифицируемость контекста, отсутствие у него содержательного параметра ИСТИННОСТИ). Ссылки на авторитетный источник информации призваны засвидетельствовать ее достоверность*²⁸.

(10) *Мы хотели бы также помочь тем, кто встречается с естественным сомнением каскад невероятных новшеств, низвергающихся на читателя из сочинений А.Т.Ф., но не берется сам определить, достоверны ли факты, на которые ссылается А.Т.Ф., и вытекают ли из них в действительности те выводы, которые он делает*²⁹.

В примере 10 в одном контексте сведены слова «достоверен» и «факт», далее автор пишет об обоснованности выводов в рецензируемом исследовании.

Модель ситуации достоверности включает одного участника, который является носителем признака: прилагательное входит в состав именного словосочетания, например «достоверные источники», и выражает одну из его характеристик, если в высказывании присутствует другой предикат, однако прилагательное может выступать и в роли именного предиката «факты достоверны».

Подведем итоги. Проанализированные слова «доказательство», «исследование», «достоверность», «обоснованность», включенные в ФЗ ГСЭД, обнаружили семантическую общность, которая выражается в верифицируемости (истинности) и доказательности выводов.

Литература

1. Ардашкин А.П. Методологические основы судебно-медицинской экспертизы : автореферат диссертации кандидата медицинских наук / А.П. Ардашкин. Москва, 2005. 39 с.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. Москва : Книга по требованию, 2012. 721 с.

3. Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Г.Г. Омелянюк // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23.
4. Омелянюк Г.Г. Концептуальные основы судебно-почвоведческой экспертизы : автореферат диссертации доктора юридических наук / Г.Г. Омелянюк. Воронеж, 2005. 44 с.
5. Панфилов П.Б. Обеспечение достоверности ольфакторных исследований в судебной экспертизе : автореферат диссертации доктора юридических наук / П.Б. Панфилов. Москва, 2006. 29 с.
6. Пономарев А.Б. Методология научных исследований / А.Б. Пономарев, Э.А. Пикулева. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2014. 186 с.
7. Рубис А.С. Что нужно сделать, чтобы судебный эксперт перестал быть «судьей факта», или Еще раз о возможности и необходимости оценки достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 36–40.

¹ Онлайн-сервис анализа текстов. URL: <https://istio.com>

² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2002. С. 402.

³ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Терра, 1996. Т. 2. С. 453.

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 2. С. 409.

⁵ Большой толковый словарь русского языка... С. 605.

⁶ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Книга по требованию, 2012.

⁷ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 45-11/12 по делу о проявлениях экстремизма / Хамовнический районный суд, г. Москва. Гильдия лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам. URL: <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/1.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

⁸ Там же.

⁹ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 20-07/14 по делу о проявлениях экстремизма / Кромский районный суд, Орловская область. Гильдия лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам. URL: <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/22.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

¹⁰ URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.08.2020).

¹¹ Там же. С. 348.

¹² Цит. по: Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 21.

¹³ Большой толковый словарь русского язык... С. 681.

¹⁴ Там же. С. 269.

¹⁵ Там же. С. 266.

¹⁶ Кондаков В.И. Указ. соч. С. 396.

¹⁷ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Ардашкин А.П. Методологические основы судебно-медицинской экспертизы : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2005. С. 2.

¹⁹ Пономарев А.Б., Пикулева Э.А. Методология научных исследований. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2014. С. 21.

²⁰ Кондаков В.И. Указ. соч. С. 158.

²¹ Омелянюк Г.Г. Концептуальные основы судебно-почвоведческой экспертизы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 4.

²² Панфилов П.Б. Обеспечение достоверности ольфакторных исследований в судебной экспертизе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 26.

²³ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 39-10/12 по делу о защите чести и достоинства гражданина / Петрозаводский городской суд Республики Карелия. Гильдия лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам. URL: <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf> (дата обращения: 18.08.2020).

²⁴ Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 158.

²⁵ Большой толковый словарь русского языка... С. 279.

²⁶ Там же. С. 1414.

²⁷ Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 218.

²⁸ Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 12-02/07 по делу о защите чести и достоинства гражданина / Вельский районный суд Архангельской области. Гильдия лингвистов-экспертов по документальным и информационным спорам. URL: <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/4.pdf> (дата обращения: 18.08.2020).

²⁹ URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 18.08.2020).

Прогностическая модель и перспективы использования в судебно-экспертной практике исследований мимических реакций на вопросы различной сложности*,**

Хавыло Алексей Викторович,

заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
кандидат психологических наук
khavylo@strider.ru

Енгальчев Вали Фатехович,

руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
доктор психологических наук, профессор
valiyen@gmail.com

Леонова Елена Васильевна,

заведующая кафедрой общей и юридической психологии
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
доктор психологических наук, доцент
LeonovaEV@tksu.ru

Рассматривается проблема повышения достоверности результатов судебных экспертиз путем использования объективных методов оценки поведенческих реакций человека на внешние стимулы. Целью исследования является определение индивидуальных мимических показателей сложности вопроса в коммуникативной ситуации. С помощью системы интеллектуального машинного зрения оцифрованы микродвижения мышц лица участников в периоды: восприятия вопроса, обдумывания ответа, ответа на вопрос. Анализ данных проводился на языке R с использованием методов машинного обучения и многомерных статистических методов. В статье представлены результаты анализа 1200 видеофрагментов. Показана высокая точность предсказания субъективной сложности каждого вопроса для каждого респондента с помощью анализа микродвижений мышц лица.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, невербальное поведение, психические состояния, сложность вопроса, мимические микродвижения, система машинного зрения.

In the context of development of objective methods for forensic psychological examination, the problem of facial muscles micromovements' recognition corresponding to different mental conditions is considered. The purpose of the study is to determine individual mimic indicators of task complexity. The developed system of intellectual machine vision made it possible to digitize micromovements of facial muscles of the participants during perception of the question, reflection on the answer and verbal answer. For data analysis, the R language was used. Machine learning methods and multivariate statistical methods were applied. The result of 1200 video fragments analysis is showed. The high accuracy of each tasks' subjective complexity prediction has been proved.

Keywords: forensic psychological examination, non-verbal behavior, mental states, task complexity, mimic micromovements, machine vision system.

Введение. Следствие нуждается в получении достоверных результатов по итогам производства судебной экспертизы. Но если в точных науках давно уже разработан и активно используется надежный измерительный и диагностический инструментарий, то в науках о человеке (в первую очередь психологии и психиатрии) проблема объективных методов исследования до сих пор остается актуальной.

В последние годы практика судебной психологической экспертизы (СПЭ), а также комплексных экспертиз с участием психолога стала обогащаться благодаря появлению новых направлений исследований. Одним из таких направлений является стремление найти объективную доказательную основу для выводов эксперта-психолога. Хотя в рамках СПЭ традиционно используются и будут использоваться устоявшиеся экспертные методы и мето-

дики¹, следствие все настоятельнее формулирует запрос на новые, экспериментально верифицированные экспертные технологии, основанные в том числе на анализе невербального проявления различных психических состояний, что гарантирует непредвзятость экспертного мнения, обеспечивает надежность полученных выводов.

Анализ выполненных к настоящему моменту исследований невербальных проявлений различных психических состояний свидетельствует, что:

а) невербальные реакции являются внешним проявлением психических состояний, бессознательным ответом организма на ситуацию, что объясняет повышенное внимание к изучению этих реакций для повышения достоверности экспертных выводов;

б) схожие невербальные реакции могут быть следствием различных психических состояний и обуславливаться

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-01045.

** A Predictive Model and Prospects of the Use of Studies of Mimic Reactions to Questions of Diverse Complexity in the Judicial and Expert Practice
Khavylo Aleksey V., Head of the Laboratory of Information and Psychological Security of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski
PhD in Psychology

Engalychiev Vali F., Head of the Research Center for Forensic Examination and Criminalistics of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Doctor of Psychology, Professor

Leonova Elena V., Head of the Department of General and Legal Psychology of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Doctor of Psychology, Associate Professor

не только психоэмоциональной реакцией на ситуацию, но и социально-культурной спецификой, индивидуальными особенностями подэкспертного, а также устоявшимися паттернами поведения, т.е. нет единообразия в эмоциональных реакциях различных людей на схожие ситуации²;

в) особый интерес представляет степень конгруэнтности, т.е. согласованности между характеристиками вербального и невербального планов коммуникативного поведения индивидуума; ряд авторов считает снижение конгруэнтности, а тем более ее отсутствие, важным признаком возможной недостоверности сообщаемой информации.

Проблема разработки надежной экспертной оценки психологической достоверности/недостоверности сообщаемой информации при производстве СПЭ пока еще далека от своего разрешения. Вместе с тем даже ее частичное разрешение защитит экспертизу от множества субъективных, личностных факторов, влияющих на ее результаты. Так, современный уровень развития цифровых технологий позволяет разрабатывать системы искусственного интеллекта для психологического анализа человеческой деятельности. А, в свою очередь, разработка интеллектуальных систем машинного зрения в целях получения данных о мимической активности, а также методов анализа этих данных фактически ведет к созданию надежной технологии объективизации результатов судебной психологической экспертизы. В целом, выявление точных невербальных показателей психического состояния личности является передовым направлением поведенческой психологии.

Большинство современных подходов связывают мимическую активность с оценкой эмоциональных состояний и основаны на нейрокультурной теории эмоций³. Эта модель активно используется в ряде научных проектов⁴. Однако, на наш взгляд, есть как минимум, две причины, по которым усредненные модели, применяемые к анализу невербального поведения индивидуума, могут привести к неверным выводам.

Первая причина заключается в различных подходах к интерпретации невербального поведения. Так, при попытках выявить признаки неискренности человека во время порождения речевых репрезентаций используются три основных подхода: эмоциональный (1); основанный на структуре и сложности содержания речи (2); основанный на контроле поведения (3)⁵. Поведенческие проявления неискренности в трактовке этих подходов противоречивы. Например, с позиций эмоционального подхода количество контролируемых движений при лжи увеличивается, а с позиций поведенческого — уменьшается.

Вторая причина детерминируется групповыми (социальными, культурными) и индивидуальными (психофизиологическими, личностными) различиями, а также сформированными в течение жизни паттернами поведения. Все это свидетельствует о необходимости при производстве СПЭ сопоставлять невербальные реакции человека не с усредненными моделями, а с реакциями того же человека в различных ситуациях (естественных или смоделированных).

Настоящее исследование посвящено разработке прогностической модели оценки индивидуальной психологической сложности вопроса посредством анализа мимических микродвижений с использованием технологии машинного обучения.

Материалы и методы исследования. Эмпирический материал представлял собой 1 200 видеофрагментов с ответами участников эксперимента на серию вопросов. Сложность вопросов оценивалась участниками по дихотомической шкале (простой — сложный) сразу по окончании эксперимента. Движения мимических мышц респондентов

при ответе на вопросы были оцифрованы с помощью специально разработанного программного обеспечения. Предобработка и анализ данных производился с использованием языка статистических вычислений R.

Анализировались показатели мимической активности, отражающие сокращения всех, фиксируемых в ходе анализа видеоизображения мышц лица. Для анализа использовался метод машинного обучения Random Forest⁶, в основе которого лежит алгоритм создания «деревьев принятия решений». При реализации этого метода создается множество «деревьев решений», которые объединяются для получения более точного и стабильного предсказания (прогнозируемым признаком выступала сложность вопросов).

Результаты. Для построения модели машинного обучения были использованы следующие предикторы: время раздумья участника эксперимента перед ответом; время ответа; мера изменчивости динамики активности мышцы во время раздумья; мера изменчивости динамики активности мышцы во время ответа.

Оптимальные параметры модели были выбраны путем циклического перебора значений с тестированием на различных подвыборках из общего массива данных.

Для оценки точности модели из общего массива данных были извлечены обучающая (50%) и тестовая (50%) выборки, которые различались как по набору пар «вопрос/ответ», так и по участникам, ответы которых подвергались оценке. Таким образом, эффективность работы сформированной модели проверялась на другой выборке участников и другом наборе вопросов.

Модель, примененная к тестовому набору данных, оценивает вероятность того, является ли конкретный вопрос для человека сложным или простым. Важно отметить, что для каждого вопроса был получен набор оценок сложности, рассчитанный по каждому мимическому каналу. Окончательное решение принималось на основе относительной пропорции мимических показателей (каналов), которые предсказывают сложность вопроса для участника эксперимента.

Первичная точность модели рассчитывалась как отношение правильно предсказанной оценки сложности вопросов к общему количеству оценок, выполненных по всем мимическим каналам, и составила 0,762. На этапе агрегации вопрос считался сложным, если по 30% мимических каналов были получены положительные предсказания. Точность модели после агрегации рассчитывалась как отношение правильно предсказанной сложности вопросов к общему количеству оценок после агрегации. Средняя точность модели после агрегирования составила 0,957. Дополнительно, были рассчитаны показатели чувствительности и избирательности. Средняя чувствительность модели на тестовой выборке составила 0,995, средняя избирательность — 0,919.

Выводы. Разработанное в рамках исследования программное обеспечение для фиксации мимической активности позволило фиксировать микродвижения мышц лица респондента на разных этапах коммуникативной ситуации, а именно — этапе восприятия вопроса, этапе обдумывания ответа и непосредственно на этапе вербального ответа⁷.

Предложенная модель для анализа данных обеспечивает возможность оценить сложность вопроса для подэкспертного по дихотомической шкале — сложный или простой. Сравнение результата оценки с субъективным мнением респондента о сложности каждого вопроса показало высокую точность разработанного метода. В дальнейших исследованиях мы планируем уточнить модель и получить количественную оценку степени сложности каждого вопроса. Рассчитанные показатели чувствительности

и селективности разработанного метода сопоставимы с характеристиками психофизиологического исследования с использованием полиграфа⁸.

Таким образом, была показана возможность высокой точности оценки субъективной сложности каждого вопроса с помощью анализа микродвижений лицевых мышц респондента. Внедрение метода в практику судебной психологической экспертизы позволит правильно определить сложные вопросы для респондента в процессе проведения опроса, беседы или допроса. Использование предложенной технологии при анализе видеозаписей позволит проводить дальнейший качественный анализ ответов опрашиваемого лица на вопросы с целью выявления проблемных зон включенности респондента в ситуацию, повлекшую возбуждение уголовного дела, его ролевую позицию в уголовном деле и, как следствие, перспективы процессуального статуса, уровень осведомленности о деталях события, готовность давать правдивые ответы и др. Важно еще и то, что при подготовке материала для такой экспертизы не нужно уведомлять будущего подэкспертного об этом, достаточно предупредить его, что ведется видеозапись проведения следственного действия. При использовании видеоматериалов, полученных оперативным путем и надлежащим образом приобщенных к материалам уголовного дела, отсутствует необходимость даже в такого рода уведомлении. Это позволяет преодолевать барьеры психологической защиты виновного лица, специально подготовленного к коммуникативному противостоянию со следователем, а также достоверно выявлять отсутствие соответствующих мимических реакций у невиновного лица. Естественно, правовая оценка результатов экспертного анализа в любом случае остается прерогативой следствия и суда.

Литература

1. Багмет А.М. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет [и др.]. Москва : Московская академия СК России ; ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2018. 192 с.
2. Енгальчев В.Ф. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) : монография / В.А. Енгальчев, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 328 с.
3. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе : учебное пособие для студентов факультетов психологии вузов / редакторы-составители : В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. Калуга : КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. 355 с.
4. Комиссарова Я.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений / Я.В. Комиссарова, В.В. Семенов. Москва : Юрлитинформ, 2004. 224 с.
5. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В.А. Лабунская. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 608 с.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание / под редакцией Е.Д. Хомской. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1979. 320 с.
7. Breiman, L. Random Forests / L. Breiman // Machine Learning. 2001. Vol. 45. Iss. 1. P. 5–32.

8. Fielding, A. Cluster and classification techniques for the biosciences / A. Fielding. Cambridge UK and New York : Cambridge University Press, 2007. 260 p.
9. Ding, X. Facial Action Unit Event Detection by Cascade of Tasks / X. Ding, W.-S. Chu, F. de La Torre, J. F. Cohn et al // Proceedings. IEEE International Conference on Computer Vision. 2013. P. 2400–2407.
10. Ekman, P. Emotion in the human face: Guidelines for research and an integration of findings / P. Ekman, W.V. Friesen, P. Ellsworth. New York and Oxford : Pergamon, 1972. 204 p.
11. Fielding, A. Cluster and classification techniques for the biosciences / A. Fielding. Cambridge University Press, 2007. 260 p.
12. Knapp, M.L. Nonverbal communication in human Ginteraction / M.L. Knapp, J.A. Hall. 8-th ed. Wadsworth Cengage Learning, 2014. 509 p.
13. Leonova, E.V. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analysis methods / E.V. Leonova, V.F. Engalychev, A.V. Khavylo [et al.] // XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019). Moscow : Moscow University Press, 2019. P. 69–70.
14. Lewinski, P. Automated facial coding: Validation of basic emotions and FACS AUs in FaceReader / P. Lewinski, M. den Uyl Tim, C. Butler // Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics. 2014. Vol. 7. Iss. 4. P. 227–236.
15. Pollina, D.A. Comparison of polygraph data obtained from individuals involved in mock crimes and actual criminal investigations / D.A. Pollina, A.B. Dollins, S.M. Senter, D.J. Krapohl [et al.] // Journal of Applied Psychology. 2004. Vol. 89. Iss. 6. P. 1099–1105.
16. Vrij, A. Detecting lies and deceit: The psychology of lying and the implications for professional practice (Wiley Series in Psychology of Crime, Policing and Law) / A. Vrij. John Wiley & Sons Ltd, 2000. 456 p.

¹ Подробно см.: Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе : учеб. пос. для студентов факультетов психологии высших учебных заведений / ред.-сост.: В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. Калуга : КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009.

² См., напр.: Лурия А.Р. Язык и сознание / под редакцией Е.Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979; Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д : Феникс, 1999; Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2004; Багмет А.М., Гусев А.Н., Енгальчев В.А., Кравцова Г.К., Седин В.И., Холопова Е.Н. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие. М. : Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2018.

³ Ekman, P., Friesen, W.V., & Ellsworth, P. Emotion in the human face: Guidelines for research and an integration of findings // Pergamon. 1972. Vol. 11.

⁴ Ding, X., Chu, W.-S., La Torre, F. de, Cohn, J. F., & Wang, Q. Facial Action Unit Event Detection by Cascade of Tasks // Proceedings. IEEE International Conference on Computer Vision. 2013. P. 2400–2407; Knapp, M.L. & Hall, J.A. Nonverbal communication in human Ginteraction // Wadsworth Cengage Learning. 2014. 8-th ed.; Lewinski, P., Tim, M. den Uyl, Butler, C. Automated facial coding: Validation of basic emotions and FACS AUs in FaceReader // Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics. 2014. Vol. 7 (4). P. 227–236.

⁵ Подробно см.: Vrij, A. Detecting lies and deceit: The psychology of lying and the implications for professional practice. John Wiley & Sons Ltd. 2000.

⁶ Breiman, L. Random Forests // Machine Learning. 2001. Vol. 45. № 1. P. 5–32; Fielding, A. Cluster and classification techniques for the biosciences. Cambridge UK and New York : Cambridge University Press, 2007.

⁷ URL: <https://ehbea2019.sciencesconf.org/> (дата обращения: 17.08.2020); Leonova, Elena V., Engalychev, Vali F., Khavylo, Alexey V., Danshin, Vadim V., Mirzeabasov, Oleg A. Mimic indicators of mental processes during forensic psychological expertise: assessment and analyzing methods // XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). Moscow : Moscow University Press, 2019. P. 69–70.

⁸ Pollina, D.A., Dollins, A.B., Senter, S.M., Krapohl, D.J., Ryan, A.H. Comparison of polygraph data obtained from individuals involved in mock crimes and actual criminal investigations // Journal of Applied Psychology. 2004. P. 1099–1105.

Основы методики оценки опасностей, связанных с разработкой и развитием генетических технологий*

Холопова Елена Николаевна,

профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики
Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор
elchol@mail.ru

В статье рассмотрены отдельные элементы методики оценки опасностей, связанных с разработкой и развитием генетических технологий, раскрывается их значение. Доказывается, что методика оценки опасностей генетических технологий необходима для конкретных сфер их использования и развития, связана с созданием системы принятия решений о безопасности генетических технологий. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-29-14015/19 «Этико-правовые принципы геномных исследований: пределы вмешательства в права человека».

Ключевые слова: генетические технологии, база данных, ситуации риска, опасности, методика оценки, эксперт.

The article considers certain elements of the methodology for assessing the risks associated with the development and development of genetic technologies, and reveals their significance. It is proved that the method of assessing the dangers of genetic technologies is necessary for specific areas of their use and development, and is associated with the creation of a decision-making system for the safety of genetic technology. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research in the framework of the project No. 18-29-14015/19 'Ethical and legal principles of genomic research: limits of intervention in human rights'.

Keywords: genetic technologies, database, risk situations, hazards, assessment methodology, expert.

Внедрение в практику генетических технологий, развитие которых не удалось спрогнозировать и проверить в дальнейшем их результаты, способно повлечь за собой необратимые последствия для общества и личности. Вышедшие из-под контроля или сознательно изготовленные биологические (генетические) агенты, поражающие людей, животных и растения, могут стать биологическим оружием, в том числе использоваться сознательно для создания непредсказуемых и опасных ситуаций. Поэтому как государство, так и научное сообщество, должны иметь определенный механизм противодействия использованию и развитию таких технологий.

Разработка основ методики оценки опасностей, связанных с появлением и развитием новых генетических технологий, определяется: принятыми научными стандартами, необходимыми для их безопасности и эффективности использования; необходимостью их одобрения не только медицинским сообществом, но и иными социальными группами; сложностями принятия решений о безопасности технологии и внедрения ее в практику; возможностью злоупотреблений в ситуациях использования новых технологий при отсутствии четкого нормативного правового регулирования.

Формирование содержания методики оценки опасностей генетических технологий должно осуществляться по двум направлениям (направления выделены на основании научных исследований по биотехнологиям в России, изучения зарубежного опыта). Первое определяется экспертной оценкой внутри профессионального сообщества созданной генетической технологии (оценка применения и использования проводится специалистами — профессионалами в той или иной сфере деятельности). Второе связано с оценкой генетической технологии общественностью (общественная экспер-

тиза или социогуманитарное обеспечение ее развития, оценка потребителями, бизнес-сообществом). При разработке первого направления усиливается контроль над институционализацией новых генетических технологий, а во втором случае, как представляется, происходит формирование представлений и отношений к ним различных групп общества. Естественно, что подходы к методике и нормативная база при этом будут разными, но можно выделить отдельные универсальные аспекты разработки основ такой методики.

Результаты анализа отдельных методологических подходов позволили выделить следующие *элементы методики оценки опасностей генетических технологий*: структура методики, ее понятийный аппарат и принципы; сфера и пределы использования; характеристика ситуации риска и неопределенности при внедрении новых генетических технологий; критерии, которым должны соответствовать генетические технологии; требования к экспертам и их заключению; контроль результатов использования и развития генетических технологий.

Структура методики, ее понятийный аппарат и принципы должны разрабатываться в зависимости от выделенных направлений развития и использования генетических технологий. Так, например, при развитии и использовании генетических технологий в пищевой продукции применяются Методические указания «МУК 2.3.2.970-00 Медико-биологическая оценка пищевой продукции, полученной из генетически модифицированных источников» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 24 апреля 2000 г.) и Методические указания МУ 2.3.2.1830-04 «Микробиологическая и молекулярно-генетическая оценка пищевой продукции, полученной с использованием генетически модифицированных микроорганизмов» (утв. Главным

* Fundamentals of the Methodology of Evaluation of Dangers Related to Research and Development of Genetic Technologies

Kholopova Elena N., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University, LL.D., PhD in Psychology, Professor

государственным санитарным врачом РФ 9 января 2004 г.).

Кроме того, многие ученые указывают на необходимость конструирования нравственных принципов в области регулирования научных открытий в сфере генно-инженерной деятельности¹. А именно при разработке генетических технологий существенным является учет общих этических принципов, таких как: «уважение частной жизни и конфиденциальности в биомедицине и генетике; патентоспособность живых организмов и генов; сбалансированная охрана экологии человека и природы; принцип предосторожности»². При определении и оценке рисков использования генетических технологий следует прогнозировать наиболее опасный из возможных сценариев (презумпция опасности)³.

Методика оценки опасностей генетических технологий необходима для конкретных сфер их использования и развития. Генетические технологии в Российской Федерации используются в следующих сферах: биобезопасность и обеспечение технологической независимости; генетические технологии для развития сельского хозяйства; генетические технологии для медицины; генетические технологии для промышленной микробиологии⁴. Прогнозируется их широкое применение для разрешения экологических проблем, в обрабатывающей промышленности, при изготовлении новых материалов. Поэтому для каждой из сфер такие методики будут иметь свою специфику, определяемую соответствующими рисками и опасностями, правовыми режимами использования генетических технологий.

Характеристика ситуации риска и неопределенности при внедрении новых генетических технологий, как элемент методики, формирует соответствующие признаки их распознавания экспертами.

Риски, обусловленные развитием новых генетических технологий, можно разделить на несколько групп: риски здоровью человека (медицинские), окружающей среде (непредвиденные опасные заболевания или экологические катастрофы); технические риски (устаревшее технологическое оборудование, используемое для работы с микроорганизмами или непригодное для проведения генетических исследований); риски правового характера (юридическая неопределенность законодательства, регулирующего деятельность по созданию генетической технологии и правил ее использования); этические риски⁵, или риски, «связанные с этикой, системой ценностей и образом мышления»⁶ (например, клонирование человека или создание искусственного интеллекта).

Есть и иные риски (основания их классификации), которые необходимо прогнозировать. Так, например, в отдельных публикациях поднимается проблема возросшего риска биотерроризма на фоне создания в последние годы генетически модифицированных организмов⁷.

При оценке генетических технологий важно всегда осознавать их двойственную природу, что должно в обязательном порядке прогнозироваться специалистами различных отраслей знаний. Но так же важно проведение исследований общественного мнения с учетом сложившихся традиций и норм морали в обществе (социогуманитарное обеспечение). Именно развитие генетических технологий будет определять в дальнейшем и новые формы научной деятельности, ориентированные на работу с общественным мнением.

Общественное мнение может быть индикатором выявления правовых и этических проблем использования любой самой перспективной генетической технологии. К примеру, технология клонирования действительно перспективна. Вместе с тем обоснованную тревогу вызывает ряд возникающих правовых и этических проблем: неприемлемость направленной селекции людей с целевыми генетическими характеристиками; отсутствие знаний о рисках развития клонированных существ; непредсказуемость будущего клонированных детей, по сути не имеющих родителей; юридические проблемы соотношения общества и «клонов»; проблема пренебрежения к личности и достоинству человека⁸.

Следует отметить, что для оценки риска здоровью человека при использовании генетических технологий выделяют четыре обязательных этапа: 1) идентификация опасности; 2) формирование сценариев, отражающих в максимальной степени сложившуюся ситуацию, позволяющую избежать как недооценку, так и переоценку риска; 3) оценка воздействия с учетом различных факторов; 4) характеристика риска.

При оценке риска необходимо использовать перечень документов и баз данных, определенных соответствующими органами государственной власти, организациями в сфере использования генетических технологий. Кроме того, для оценки рисков специалистам придется обращаться к базам данных, созданных генетических технологий, национальным стандартам их использования, что актуализирует необходимость формирования таких баз (регистрации данных технологий) и принятия национальных стандартов⁹ в различных сферах использования.

Критерии оценки новых генетических технологий включают: критерии оценки научным сообществом; критерии оценки общественностью. Критерии оценки научным сообществом определяются обоснованностью, надежностью, валидностью исследования генетической технологии. Позволяет ли инструмент измерения результатов в исследовании вынести заключение о ценности генетической технологии? Будут ли при повторных исследованиях получены аналогичные результаты? Насколько допустимы те или иные средства?

Генетические изыскания и опыты должны основываться на методах и технологиях, которые не ущемляют естественной свободы личности: «Каждый человек, ставший участником научного исследования или получающий передовую медицинскую услугу, вправе сохранять возможность самостоятельно принимать решения по изменению генетических характеристик собственного организма. В противном случае вмешательство в ДНК человека не может считаться нравственным»¹⁰.

В части критериев оценки общественностью возможности использования генетической технологии существуют различные мнения, которые не получили пока соответствующего методического и правового обеспечения. Например, критериями определения пациентами ценности применения генетической технологии могут быть: изменение выраженности симптомов заболевания; изменение качества жизни, связанного со здоровьем; удовлетворенность ожиданий; доступность использования генетической технологии.

Контроль результатов использования и развития генетических технологий должен определяться едиными подходами как к системе управления генетическими исследованиями, так и контролем их проведения и

использования, что на современном этапе нет возможности (по объективным причинам) выделить и обосновать. В частности, организация и структура управления исследованиями в разных странах различается¹¹.

Для дальнейшего прогнозирования опасностей генетических технологий (социогуманитарное обеспечение) необходимо: развитие мониторинга их использования (на уровне основополагающих этических принципов и правовых режимов каждой технологии); выделение новых форм научной деятельности, ориентированных на работу с общественным мнением по проблемам использования генетических технологий; осуществление экспертной оценки публикаций о технологиях двойного назначения, которые могут бы использованы террористами.

Следует заметить, что в России созданы одни из самых «жестких» в мире систем оценки безопасности генно-модифицированных организмов (ГМО) и многоуровневого контроля за их оборотом, включающие медико-генетическую оценку, медико-биологическую оценку, оценку технологических параметров, оценку информации об объекте исследований. Проводится пострегистрационный мониторинг за пищевыми продуктами, полученными из ГМО или содержащими ГМО. Такую систему необходимо разработать для контроля и использования генетических технологий.

Требования к экспертам и их заключению, связанному с дальнейшим развитием генетических технологий, формируются в зависимости от сфер их использования. В основном оценку безопасности генетических исследований осуществляют этические комитеты, этические комиссии, устанавливающие вероятные негативные последствия данных испытаний; организующие консультирование по этическим проблемам при проведении клинических испытаний¹²; уточняющие целесообразность и прогнозируемую эффективность проведения клинических испытаний; подготавливающие заключения о рациональности проведения клинических испытаний¹³.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует достаточный по численности и компетентности корпус экспертов в сфере генетических технологий. Например, объем базового курса генетики в медицинских вузах всего 36 часов, что явно не адекватно интенсивности развития этого направления. Не хватает знаний в области генетики специалистам в биологии и медицине. Эксперту в сфере генетических технологий необходимо владеть и иными специальными знаниями, для того чтобы обосновать оптимальный вариант решения: одобрение к использованию генетической технологии; отказ в одобрении использования генетической технологии с обоснованным указанием всех рисков. Составление заключения должно базироваться на международных стандартах использования генетических технологий, соответствовать отечественным нормативным правовым актам и национальным стандартам.

Эксперт должен быть способен спрогнозировать использование генетической технологии в повседневной практике, обосновать необходимость этического и правового регулирования биобезопасности человека. Иными словами, эксперт оказывается в ситуации, когда его статус и компетенция оцениваются не только профессиональным сообществом, но и непрофессиональной аудиторией. При рассмотрении целесообразности

использования новых генетических технологий эксперты должны оценивать прежде всего убедительность научных доказательств их эффективности и безопасности. Следует особо обратить внимание на то, что к оценке новых генетических технологий должны привлекаться не только специалисты в соответствующей области (например, в области биологии, медицины, сельского хозяйства, животноводства, генетики), но и другие члены научного сообщества, для того чтобы получить квалифицированные оценки степени риска, возможных осложнений, социальных последствий.

Литература

1. Веретенко М.Ю. «Геном человека»: этические риски и перспективы биотехнологий / М.Ю. Веретенко // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 12 (28). С. 31.
2. Герасимов А.М. Нравственные пределы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины / А.М. Герасимов // Гены и клетки. 2019. № 2. С. 62–67.
3. Канунникова Л.В. Биоэтика: от нормализации к норме / Л.В. Канунникова, Т.А. Сидорова // Медицинское право. 2014. № 5. С. 3–7.
4. Крысенкова Н.Б. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах / Н.Б. Крысенкова, Т.И. Чурсина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 140–153.
5. Мишаткина Т.В. Этические проблемы нанотехнологий в контексте экологии человека / Т.В. Мишаткина // Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник. 2015. Т. 19. № 4. С. 49–56.
6. Мохов А.А. Принцип предосторожности в биомедицине / А.А. Мохов // Медицинское право. 2017. № 1. С. 5–10.
7. Риффель А.В. Этический комитет — проблемы становления / А.В. Риффель // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 2 (20). С. 153–155.
8. Соколова С.Н. К вопросу о биотерроризме и биобезопасности / С.Н. Соколова, С.А. Соколов // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 1. С. 10–18.
9. Соколов Ю.И. Риски высоких технологий : монография / Ю.И. Соколов. Москва : ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2009. 312 с.
10. Тихонов М.Н. О новых уникальных угрозах биологического терроризма национальной безопасности страны / М.Н. Тихонов, М.М. Богословский // Экологическая экспертиза. 2015. № 4. С. 104–132.
11. Хенк Т.Х. Деятельность ЮНЕСКО в области биоэтики / Т.Х. Хенк. Казанский медицинский журнал. 2008. Т. 89. № 4. С. 377–383.
12. Холопова Е.Н. Добровольная геномная регистрации в Российской Федерации (проблемы практики) / Е.Н. Холопова, А.А. Иванова // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 15–18.
13. Щербакова Т.А. Социальная ответственность ученого: философский аспект / Т.А. Щербакова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1783.

- ¹ Щербакова Т.А. Социальная ответственность ученого: философский аспект // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1783.
- ² Мишаткина Т.В. Этические проблемы нанотехнологий в контексте экологии человека // Вестник Московского государственного университета леса «Лесной вестник». 2015. Т. 19. № 4. С. 49–56.
- ³ Мохов А.А. Принцип предосторожности в биомедицине // Медицинское право. 2017. № 1. С. 5–10.
- ⁴ Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы : Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479 // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2108.
- ⁵ Веретенко М.Ю. «Геном человека»: этические риски и перспективы биотехнологий // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 12. С. 31.
- ⁶ Герасимов А.М. Нравственные пределы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины // Гены и клетки. 2019. № 2. С. 62–67.
- ⁷ Соколова С.Н., Соколов С.А. К вопросу о биотерроризме и биобезопасности // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 1. С. 10–18;
- Тихонов М.Н., Богословский М.М. О новых уникальных угрозах биологического терроризма национальной безопасности страны // Экологическая экспертиза. 2015. № 4. С. 104–132.
- ⁸ Подробно см.: Соколов Ю.И. Риски высоких технологий : монография. М. : ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2009.
- ⁹ Например, на современном этапе разработан Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56044-2014 «Оценка медицинских технологий. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии РФ от 11 июня 2014 г. № 568-ст) // СПС ГАРАНТ.
- ¹⁰ Герасимов А.М. Указ. соч.
- ¹¹ Крысенкова Н.Б., Чурсина Т.И. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 140–153.
- ¹² Хенк тен Хаге. Деятельность ЮНЕСКО в области биоэтики // Казан. мед. журн. 2008. Т. 89. № 4. С. 377–382.
- ¹³ Риффель А.В. Этический комитет — проблемы становления // Журн. науч. публ. аспирантов и докторантов. 2008. № 2 (20). С. 153–155.

Установление пригодности копии рукописного реквизита для исследования при производстве почерковедческой экспертизы*

Черепенько Георгий Васильевич,

эксперт-почерковед АНО «Судебный эксперт»,

аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ngn89@mail.ru

В статье приведены условия и результаты эксперимента, нацеленного на повышение объективности стадии предварительного исследования при производстве почерковедческих экспертиз. Ставились задачи по снижению субъективного фактора при визуальной оценке пригодности копии рукописного реквизита для экспертного исследования. В результате были разработаны практические рекомендации, направленные на исключение части объектов из исследования, установление ограниченной и полной пригодности для исследования, исходя не только из визуальной оценки объекта, но и из его технических характеристик.

Ключевые слова: копии рукописных реквизитов, эксперимент, объекты экспертного исследования, почерк, подписи.

The article describes conditions and results of an experiment aimed at raising the objectivity of the pre-trial examination stage in carrying out of handwriting examinations. The author has set the tasks to eliminate the subjective factor in the course of visual evaluation of usability of a copy of handwritten document details for expert examination. As a result, the author has developed practical recommendations aimed at exclusion of some objects from the examination, establishment of limited and full usability for examination judging not only based on the visual object evaluation but also on its technical characteristics.

Keywords: copies of handwritten document details, experiment, expert examination objects, handwriting, signatures.

На предварительном этапе исследования почерка решается вопрос: выполнена ли рукопись (текст или подпись) в процессе свободного письма либо имеются признаки, свидетельствующие, что она выполнена в необычных условиях¹.

В части исследования копий и изображений рукописных реквизитов решение данного вопроса затруднено, а иногда и невозможно, потому что эксперт не всегда в состоянии судить о действительной координации движений, темпе, нажиме исполнителя рукописи². Однако это не является обязательным с точки зрения методики, хотя, как нами отмечалось ранее³, зачастую эксперты воспринимают имеющиеся рекомендации в качестве императива: если на исследование представлена копия, то определить, имеются ли в ее рукописных реквизитах признаки необычного письма, не представляется возможным, а имеющиеся признаки могут

быть следствием особенности технического процесса получения копии (например, ступенчатая структура штриха).

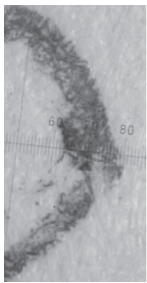
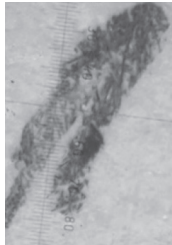
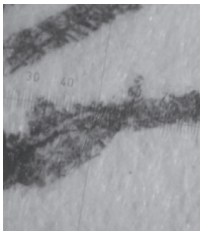
Возможности объективного производства исследования имеют прямую связь с оценкой качественных характеристик представленного на экспертизу материала (чем выше качество копии, тем выше результативность почерковедческого исследования)⁴, и нами рассматриваются сквозь призму совокупной оценки технических данных реквизита и его визуального восприятия.

Для решения вопроса о возможности производства диагностического исследования в отношении копий рукописных реквизитов был осуществлен анализ практики производства почерковедческой экспертизы АНО «Судебный эксперт» на примере 283 заключений, объектами которых являлись изображения рукописных реквизитов разного качества. Кроме того, были изго-

* The Establishment of Usability of a Copy of Handwritten Document Details for Analysis in Carrying Out of a Handwriting Expert Examination **Cherepenko Georgy V.**, Handwriting Expert of Forensic Expert Autonomous Non-Profit-Making Organization, Postgraduate Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Таблица

Условия выполнения изображения	Наименование признака				
	дифференцированность нажима	мелкая угловатость	мелкая извилистость	тупые точки начала (окончания) движений	немотивированные остановки пишущего прибора
Микрофотоизображения оригинала смонтированной подписи					
150 dpi	не просматривается	не просматривается	не просматривается	не просматривается	не просматривается
300 dpi	частично просматривается	частично просматривается	полностью просматривается	частично просматривается	не просматривается
600 dpi	частично просматривается	полностью просматривается	полностью просматривается	полностью просматривается	частично просматривается

товлены серии смонтированных подписей методами: «на глаз», «по памяти», «с предварительной тренировкой», а также путем перерисовки на просвет. В общей сложности было изготовлено свыше 200 подписей, прототипами для которых стали 29 подписей различной степени сложности по транскрипции. В изготовлении подписей принимали участие 12 человек, разного пола и возрастных групп, пятеро из которых были экспертами-почерковедами, а семеро не обладали специальными знаниями в области исследования почерка.

В ходе эксперимента вначале оценивалось визуальное отображение диагностических признаков в части их пригодности для дифференциации криминалистически значимой информации. Затем было осуществлено исследование всех экспериментальных объектов, которое включало в себя изготовление микрофотографических снимков (использовался стереоскопический микроскоп МСП-1) смонтированных рукописно подписей, демонстрирующих признаки необычного письма, дифференциацию одноименных признаков в изображениях, полученных с различным разрешением, и сравнительный анализ их воспроизводимости в зависимости от качества изображений. Результаты проведенного исследования были соотнесены с анализом экспертной практики и изучены с учетом оценки всех изготовленных экспериментальных материалов.

Анализ изображения штрихов подписей, полученных при разрешении 75 dpi, показал их полную непригодность для дифференциации признаков необычного письма. Причиной непригодности для исследования стала качественная потеря всех диагностических признаков, таких как мелкая угловатость, тупые точки начала (окончания) выполнения движений, общее или фрагментарное снижение координации движений первой группы⁵ и т.д. Выраженная пикселизация

изображения, связанная с невысокой разрешающей способностью, не позволяет в этом случае объективно и научно обоснованно трактовать не только природу происхождения данных признаков, но и сам факт их наличия (отсутствия). В связи с этим дальнейший анализ данных изображений не осуществлялся.

Исследование полноцветных изображений рукописных реквизитов при разрешении 150, 300, 600 dpi позволило дифференцировать по степени выраженности наиболее распространенные признаки необычности в штрихах (см. таблицу).

Общее или частичное нарушение координации движений первой и второй групп, а также общее снижение степени дифференцированности нажима и темпа письма просматриваются в изображениях реквизитов, выполненных при разрешении от 150 до 300 dpi при небольшом аппаратном увеличении.

Изображения, выполненные с разрешающей способностью 150 dpi, имеют крайне ограниченную пригодность для исследования, которая требует реализации определенных условий: запись (подпись) должна состоять не менее чем из 3–4 букв; протяженность по вертикали и горизонтали букв должна характеризоваться как «большая» (это связано с тем, что в штрихах увеличенной протяженности с большей вероятностью проявятся признаки необычности, которые будут восприниматься визуальным экспертом в условиях отсутствия аппаратного увеличения). При этом, по нашему мнению, такое качество представляемых на экспертизу материалов не позволяет дифференцировать какие-либо действующие сбивающие факторы, но и не позволяет исключить их наличие. Соответственно, промежуточный вывод может быть однозначным только в случае установления наличия признаков необычности, которые оказались выраженными в достаточной мере

для того, чтобы дифференцировать их в копиях низкого качества.

В том случае, если установить факт наличия признаков необычности невозможно по тем или иным причинам, следует дать соответствующее разъяснение в исследовательской части заключения. Например, такое: «Определить факт наличия или отсутствия признаков необычности в исследуемой записи/подписи не представилось возможным по причине низкого качества представленных на экспертизу изображений записи/подписи». Разъяснение желательнее дополнить увеличенным изображением штриха исследуемого реквизита. Указанное обстоятельство необходимо учитывать в синтезирующей части заключения и при формулировании выводов.

В изображениях рукописных реквизитов, имеющих разрешающую способность 300–600 dpi и выше, признаки необычного письма просматриваются частично или полностью. При этом следует отметить некоторые отличия в их реальном отображении и отображении в копиях. Изображения, имеющие разрешение 300–600 dpi, несколько «сглаживают» их выраженность при большом аппаратном увеличении штрихов, а при незначительном увеличении они видны отчетливо. Эксперту следует учитывать данное обстоятельство при оценке результатов проведенного исследования.

Из вышеизложенного следует, что при производстве предварительного диагностического исследования целесообразно отказываться от решения вопроса в том случае, если в распоряжение эксперта представлены изображения с разрешением 75 dpi и ниже (качество их аналогов на бумажном носителе определяется экспертом визуально).

В том случае, если на исследование представлены изображения с разрешением 150 dpi, исследование возможно при наличии определенных характеристик исследуемого реквизита, а промежуточный вывод может быть информативным только в случае выявления таких признаков. Когда визуально такие признаки не просматриваются либо имеют низкую выраженность, от решения данного промежуточного вопроса следует отказаться, сделав соответствующую пометку в исследовательской части.

Представленные на экспертизу изображения рукописных реквизитов с разрешением 300–600 dpi в целом пригодны (с учетом их, безусловно, ограниченной пригодности)⁶ для полноценного предварительного диагностического исследования. При дифференциации и оценке выявленных признаков следует учитывать «сглаженность» их проявления в копиях по сравнению с оригиналами документов.

Таким образом, в ходе исследования нами было установлено, что нижним пороговым значением допустимости проведения предварительного диагностического исследования копий рукописных реквизитов является значение от 150 dpi (с определенными условиями) до 300 dpi. Верхний порог не ограничен — чем выше качество копии документа, тем шире возможности диагностического исследования.

Результаты нашего эксперимента в совокупности с работами других исследователей⁷, направленными в большей мере на технический анализ копий рукописных реквизитов, нежели на визуальную оценку качества рукописных реквизитов (которая во многом носит субъективный характер и имеет выраженную зависимость

от личностных характеристик конкретного эксперта), могут быть применены на практике экспертами-почерковедами с целью повышения объективности проводимого исследования, с одной стороны, и упрощения самого процесса предварительного диагностического исследования копии рукописного реквизита — с другой.

Литература

1. Бондаренко Р.В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: криминалистическое исследование подписи : учебное пособие для вузов / Р.В. Бондаренко [и др.] ; под общей редакцией В.Ю. Федоровича. Москва : Юрайт, 2019. 142 с.
2. Ефремова М.В. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) / М.В. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Старосельская // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157–164.
3. Криминалистика. Исследование документов : учебное пособие для вузов / М.В. Бобовкин [и др.] ; ответственный редактор М.В. Бобовкин, П.Л. Гришин, А.А. Проткин. Москва : Юрайт, 2017. 226 с.
4. Купин А.Ф. Современные возможности исследования документов, изготавливаемых электрофотографическим способом / А.Ф. Купин, В.И. Новокшанова // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 12–14.
5. Мещеряков В.А. Почерковедческая экспертиза копий почерковых объектов: миф или реальность / В.А. Мещеряков, А.Л. Пошвин, О.Ю. Цурлуй // Эксперт-криминалист. 2019. № 4. С. 30–34.
6. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учебное пособие для студентов вузов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право. 2006. 160 с.
7. Судебная экспертиза: общая часть / под редакцией В.Ф. Орловой. Москва : Наука, 2006. 544 с.
8. Черепенько Г.В. Типичные ошибки при производстве почерковедческой экспертизы копий рукописных реквизитов / Г.В. Черепенько // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 97–105.

¹ Судебная экспертиза: общая часть / под ред. В.Ф. Орловой. М. : Наука, 2006. С. 342.

² Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие для студентов вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2006. С. 142.

³ Черепенько Г.В. Типичные ошибки при производстве почерковедческой экспертизы копий рукописных реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 99–100.

⁴ Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 160.

⁵ К движениям «первой группы» относят точность мелких движений при выполнении и соединении элементов буквенного и безбуквенного состава основных и периферических частей подписи. «Вторая группа» — это точность в соблюдении параметров более крупных движений при выполнении букв, безбуквенных штрихов относительно друг друга. См., например: Криминалистика. Исследование документов : учеб. пособие для вузов / отв. ред. М.В. Бобовкин, П.Л. Гришин, А.А. Проткин. М. : Юрайт, 2017. С. 72; Почерковедение и почерковедческая экспертиза: криминалистическое исследование подписи : учебное пособие для вузов / Р.В. Бондаренко, Е.Г. Гулина, Т.В. Орлова [и др.] ; под общ. ред. В.Ю. Федоровича. М. : Юрайт, 2019. С. 29.

⁶ Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Указ. соч. С. 164.

⁷ См., напр.: Купин А.Ф., Новокшанова В.И. Современные возможности исследования документов, изготавливаемых электрофотографическим способом // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 12–14; Мещеряков В.А., Пошвин А.Л., Цурлуй О.Ю. Почерковедческая экспертиза копий почерковых объектов: миф или реальность // Эксперт-криминалист. 2019. № 4. С. 30–34.

Правовой статус судебного эксперта и специалиста в уголовном процессе*

Щепотьев Александр Викторович,

генеральный директор общества с ограниченной ответственностью консалтинговая группа «Новая парадигма», кандидат экономических наук, доцент
shepotevsv@mail.ru

Сафонова Татьяна Александровна,

начальник отделения следственного отдела Министерства внутренних дел России по Узловскому району, майор юстиции
fox4891@yandex.ru

Авторы рассматривают вопрос о правовом статусе эксперта и специалиста, участвующих в производстве по уголовному делу. Проанализированы нормы, регулирующие использование специальных знаний в уголовном процессе (на стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства). Подчеркивается, что на современном этапе развития общества осуществление правосудия без использования специальных знаний невозможно.

Ключевые слова: судебный эксперт, специалист, заключение эксперта, правовой статус эксперта, судебно-экспертная деятельность.

The authors review the issue of the legal status of an expert and a specialist taking part in criminal case proceedings. The authors analyze the provisions regulating the use of special knowledge in a criminal procedure (on pre-trial investigation and judicial proceedings stages). It is emphasized that exercising of justice without the use of special knowledge is impossible on the modern society development stage.

Keywords: forensic expert, specialist, specialist's report, legal status of an expert, judicial and expert activities.

Процедура использования специальных знаний в ходе следствия и судебного разбирательства в России отличается от вовлечения экспертов в уголовное судопроизводство в других странах. Однако, по сути, любая судебная экспертиза представляет собой исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями в определенной области, в целях получения информации, имеющей значение для дела, отраженной в выводах эксперта, которые должны быть понятны правоприменителям. При этом результаты деятельности каждого конкретного эксперта, как и судебно-экспертная деятельность в целом, имеют фундаментальное значение для развития любого правового государства, будучи важными элементами системы мер обеспечения национальной безопасности¹.

Ранее в отечественном процессуальном законодательстве функции специалиста и эксперта были разграничены: кто участвовал в деле в качестве специалиста, не мог в дальнейшем быть назначен экспертом по этому делу. В настоящее время, согласно ч. 2 ст. 70 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), предыдущее участие в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для отвода эксперта.

В 2003 году были существенно изменены функциональные возможности специалиста — его заключение и показание приобрели статус самостоятельного доказательства (ст. 74 УПК РФ). Однако предложение ученых расширить круг субъектов, обладающих специальными знаниями, за счет включения в нормы уголовно-процессуального права собирательного понятия «сведущие лица»², пока поддержки законодателя не нашло.

При сохранении в действующем УПК РФ, с формальной точки зрения, подходов к описанию функций специалиста, их реальное наполнение в настоящее время меняется под влиянием научно-технического прогресса. Примером может служить ситуация применения технических средств специалистами при исследовании материалов уголовного дела с целью выявления признаков искусственного старения документа с последующим отбором объектов, подлежащих направлению в распоряжение эксперта при назначении судебной технико-криминалистической экспертизы³.

Ответственность специалиста за предоставление заведомо ложного заключения Уголовным кодексом РФ (УК РФ) не предусмотрена, однако специалист может быть допрошен относительно его мнения, если есть такая необходимость. В этом случае специалист предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного показания. Таким образом, на специалиста, как и на эксперта, возлагается ответственность за неправомерные действия.

Согласно п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты имели право привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Статус специалиста, определяемый нормами уголовно-процессуального кодекса, претерпел важные изменения, когда в 2017 году ст. 58 УПК РФ дополнили п. 2.1: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специ-

* The Legal Status of a Forensic Expert and a Specialist in a Criminal Procedure

Shepotyev Aleksandr V., CEO at New Paradigm Consulting Group Limited Liability Company, PhD (Economics), Associate Professor

Safonova Tatyana A., Division Head of the Investigative Department for the Uzlovaya District of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major of Justice

алиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса».

В случае несогласия с заключением судебного эксперта сторона защиты в настоящее время достаточно часто апеллирует к мнению специалиста, хотя и не всегда успешно⁴. Если доводы специалиста хорошо аргументированы, обращение стороны защиты за консультацией к специалисту может способствовать назначению дополнительной либо повторной экспертизы.

В то же время на практике суждения специалистов используются не только стороной защиты, но и следователями, когда есть возможность избежать назначения экспертизы. Для проведения экспертизы требуется больше времени (чаще всего это связано с организацией производства экспертизы в экспертном учреждении), а специалист может оперативно ответить на вопросы следствия в максимально короткий срок, в том числе оформив консультацию письменно (предоставив заключение). Известно, что требования к заключению специалиста в УПК РФ не прописаны, соответственно, его проще подготовить, чем заключение эксперта.

Судебная экспертиза в уголовном процессе, действительно, имеет большую степень регламентации. Статус эксперта закреплен законодательно не только УПК РФ, но и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД). Производство судебной экспертизы может быть поручено как государственному, так и негосударственному экспертному учреждению. Термин «негосударственное» экспертное учреждение в УПК РФ отсутствует: в п. 60 ст. 5 и других статьях идет речь об экспертных учреждениях — государственном судебно-экспертном или ином учреждении, которому поручено производство судебной экспертизы. В ФЗ о ГСЭД этот термин также не употребляется. И только в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъясняется, что «под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами». При этом термин «негосударственный эксперт» (в определенном смысле являющийся антонимом термина «государственный судебный эксперт») упомянут лишь один раз в ст. 16 ФЗ о ГСЭД, где сказано, что государственный судебный эксперт не вправе «осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта».

Таким образом, мы видим, что негосударственные и государственные эксперты в процессуальном плане, с правовой точки зрения, имеют одинаковый статус, хотя на практике чаще всего предпочтение отдается последним⁵.

Как показывает анализ практики, проведенный авторами статьи в рамках профессиональной деятельности, далеко не все вопросы, поставленные перед экспертом, проводившим исследование, могут находиться в пределах его квалификации, информацию о которой

можно получить, ознакомившись с документами о высшем образовании, профессиональной переподготовке и т.д., которые субъект предъявляет. Включение данных субъекта в какой-либо реестр является не обязательной процедурой. Однако мы полагаем, что квалификационные данные эксперта, подтвержденные членством в специализированных саморегулируемых организациях, могут быть важны, поскольку механизм саморегулирования эффективно дополняет меры государственного контроля⁶.

Сегодня некоторые специалисты в определенных областях должны состоять в специализированных саморегулируемых организациях. Соблюдая установленные требования к членству в такого рода организациях, они в определенной мере подтверждают так свою квалификацию. И в то же время мы не должны забывать, что профессионал в той или иной сфере должен обладать хотя бы минимумом знаний в области судебно-экспертной деятельности, поскольку подготовка заключения эксперта имеет ряд нюансов, о которых должен знать тот, кто экспертом назначен.

Что касается теоретических разработок и методов, используемых экспертом, они так или иначе находят отражение в составляемом им заключении. Поэтому, как правило, нет необходимости допрашивать эксперта по данному вопросу, за исключением случаев, когда использованные им методы являются авторскими (ранее никем не применявшимися и не прошедшими апробацию, которая была бы подтверждена официальными документами). Вопросы возникают, если не ясны предпосылки сформировавшегося у эксперта внутреннего убеждения, что в условиях постоянного совершенствования технологий, внедряемых в исследовательскую деятельность, не такая уж большая редкость.

Анализируя нормы отечественного законодательства в части назначения и производства судебных экспертиз, мы обратили внимание на тот факт, что наделение конкретного лица статусом эксперта не связано с определенной датой и временем, равно как и момент прекращения данного статуса. С точки зрения теории государства и права это объяснимо: понятие «правовой статус» отражает закрепленное нормами права положение субъекта в системе общественных отношений и раскрывается через характеристику прав, обязанностей и ответственности личности. Однако применительно к ситуации производства судебной экспертизы решение вопроса о наделении того или иного лица статусом эксперта (в процессуальном смысле слова) может иметь вполне конкретные правовые и иные последствия.

Так, момент возникновения статуса эксперта важен при определении возможности (ограничения, запрета) общения носителя специальных знаний («кандидата в эксперты») с определенным кругом заинтересованных лиц, коль скоро согласно ст. 16 ФЗ о ГСЭД эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела; самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы; сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших. Немаловажно, когда эксперт был наделен соответствующим статусом при производстве по делу, с точки зрения необходимости обеспечения неприкосновенности эксперта и ограничения действий, направленных

против него (например, умаления его деловой и иной репутации).

Кроме того, решение обозначенного вопроса нам представляется актуальным с учетом особенностей поручения производства экспертизы конкретному лицу и направления постановления о назначении экспертизы в государственное судебно-экспертное учреждение (когда лицо, обладающее специальными знаниями, назначается экспертом и об этом было уведомлено). Очевидно, что осуществлять полномочия эксперта субъект может лишь с момента, когда он будет назначен экспертом по делу.

Относительно прекращения действия статуса эксперта надо отметить следующее. Вынесение любого процессуального решения по делу не влечет за собой утрату статуса эксперта конкретным лицом. Но отвод назначенного экспертом или сообщение им в установленном законом порядке о невозможности производства экспертизы и дачи заключения, на наш взгляд, влекут прекращение статуса эксперта по делу.

Литература

1. Аминев Ф.Г. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 2–4.
2. Иванов Н.А. Естественное и искусственное старение документов / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 17–21.
3. Комиссаров В.И. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию / В.И. Комиссаров, Я.В. Комиссарова // Право, наука, образование: традиции и перспективы : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений) (г. Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / ответственный редактор Е.В. Вавилин. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2016. С. 525–527.
4. Сафонова Т.А. Наркобизнес в системе теневой экономики — глобальная угроза экономической безопасности России : Т.А. Сафонова // Проблемные вопросы экономической безопасности России :

материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 января 2020 г.) / Е.А. Тришкина [и др.] ; ответственный редактор Д.В. Кайргалиев. Москва : ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 152–160.

5. Степанов В. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Степанов, Л. Шапиро // Уголовное право. 2005. № 4. С. 81–84.
6. Шамонова Т.Н. Нужна ли экспертиза до возбуждения уголовного дела? / Т.Н. Шамонова // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 424–428.
7. Щепотьев А.В. Государственная и негосударственная судебная экспертиза / А.В. Щепотьев, Е.Л. Сафонова // Право и экономика. 2010. № 10. С. 72–74.

1. Сафонова Т.А. Наркобизнес в системе теневой экономики — глобальная угроза экономической безопасности России : сборник статей международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 января 2020 г.) / ред. колл. : Е.А. Тришкина, Д.В. Кайргалиев, С.Н. Белова [и др.]. М. : ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 152–160.
2. Степанов В., Шапиро Л. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2005. № 4. С. 81–84.
3. Иванов Н.А. Естественное и искусственное старение документов // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 17–21.
4. По данному вопросу подробно см.: Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сб. ст. по матер. междунауч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / редкол. : Е.В. Вавилин (отв. ред.) [и др.] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 525–527.
5. См., напр.: Аминев Ф.Г. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 2–4; Шамонова Т.Н. Нужна ли экспертиза до возбуждения уголовного дела? // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 424–428.
6. Щепотьев А.В., Сафонова Е.Л. Государственная и негосударственная судебная экспертиза // Право и экономика. 2010. № 10. С. 72–74.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: +7 (495) 953-91-08 или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

К вопросу об использовании специальных знаний по уголовным делам о незаконной организации и проведении азартных игр*

Ярославский Константин Сергеевич,

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Института повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции
yaroslavskij.ks@skspba.ru

Мелихов Сергей Юрьевич,

ученый секретарь Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции
msy@skspba.ru

В статье рассматриваются вопросы использования специальных познаний при установлении и доказывании способа совершения преступления, предусмотренного статьей 171.2 Уголовного кодекса РФ (с использованием игрового оборудования). Авторами проанализировано понятие «игровое оборудование», высказано мнение о разграничении компетенций следователя, специалиста, эксперта в их оценке. Рассмотрены случаи, когда для установления способа совершения преступления необходимо применение специальных знаний, а также формы их применения.

Ключевые слова: игровое оборудование, незаконная игорная деятельность, азартные игры, способ совершения преступления, специалист, эксперт, судебная экспертиза.

The article reviews the issues of the use of special knowledge in the establishment and proving of means of committing a crime stipulated by Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (using gambling equipment). The authors analyze the gambling equipment concept, express an opinion on demarcation of competence of an investigator, specialist, expert in the equipment evaluation. The publication reviews cases when application of special knowledge and the form of knowledge application is required for the establishment of crime committing means.

Keywords: gambling equipment, illegal gambling, gambling, crime committing means, specialist, expert, forensic examination.

Центральное место при формировании методики расследования отдельных видов преступлений занимает такая составляющая криминалистической характеристики их составов, как способ совершения преступления. Криминалисты, обобщая практику, стремятся познать, каким образом может быть совершено преступное посягательство, выявить часто встречающиеся способы и тем самым установить закономерности образования следов совершенного преступления, выявив места их вероятного обнаружения. В ряде случаев способ совершения преступления указан в диспозиции статьи Уголовного кодекса РФ (УК РФ), т.е. закреплен в качестве обязательного элемента объективной стороны. К такому виду преступлений можно отнести и незаконные организацию и проведение азартных игр (далее — незаконная игорная деятельность), ответственность за совершение которых наступает по ст. 171.2 УК РФ.

Диспозиция данной статьи является сложной — с альтернативно указанными признаками, являющимися, по своей сути, разными способами совершения преступления. Уголовная ответственность предусмотрена: за незаконную игорную деятельность: с использованием игрового оборудования вне игорной зоны; без полученной лицензии или разрешения; с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; с использованием средств связи; за систематическое предоставление помещений в перечисленных целях. В процессе расследования органам предварительного следствия, среди прочего, необходимо установить эти обстоятельства, собрать

доказательства их наличия и дать соответствующую правовую оценку.

Как показывает сформировавшаяся по ст. 171.2 УК РФ правоприменительная практика (при проведении исследования одним из соавторов — К.С. Ярославским было изучено свыше 50 уголовных дел, возбужденных в Российской Федерации по данной статье, начиная с 2017 г.), при установлении и процессуальном закреплении доказательств следователи часто используют помощь экспертов и специалистов. Однако к случаям обязательного производства судебной экспертизы (ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ) следственные ситуации по делам данной категории не относятся. В связи с этим возникает вопрос: насколько оправданно в каждом случае использование специальных знаний, влекущее временные, материальные и организационные издержки.

Речь идет об установлении и доказывании способа незаконной игорной деятельности «с использованием игрового оборудования», а также связанной с этим проблемой разграничения компетенции следователя и лиц, обладающих специальными познаниями, — кто именно должен делать выводы о принадлежности оборудования к категории игрового, требуются ли для этого специальные познания.

Прежде всего стоит оценить законодательно закрепленное понятие «игровое оборудование». Оно дано в п. 16 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр».

* On the Use of Special Knowledge in Criminal Cases on Illegal Organization and Holding of Gambling

Yaroslavskiy Konstantin S., Senior Lecturer of the Department of Pre-Trial Investigation of the Institute of Advanced Training of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice

Melikhov Sergey Yu., Academic Secretary of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD (Law), Colonel of Justice

Это устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр. Данная формулировка чрезвычайно широка, в ней не указано иных характеристик и признаков, помимо единственного — при помощи такого объекта можно проводить азартную игру. При буквальном толковании игровым оборудованием может быть признана как простая монета, подкидываемая для определения победителя, так и сложное техническое устройство в виде игровых автоматов или компьютеров с соответствующим программным обеспечением. Вероятно, значительным разнообразием деятельности по проведению азартных игр объясняется нежелание законодателя конкретизировать данный термин.

Вместе с тем для следователя установление конструктивного элемента состава является насущной проблемой, требующей ответа на ранее поставленный вопрос о разграничении компетенции, поскольку не ясно, на чем могут быть основаны те или иные выводы эксперта, специалиста¹. Что важно, сам следователь не лишен законом возможности сделать вывод, является ли оборудование игровым, на основании иных доказательств (в совокупности). Таковыми могут быть, например, показания свидетелей о том, что они играли в азартные игры при помощи конкретных устройств или приспособлений, результаты оперативно-разыскной деятельности, фиксирующие игровой процесс, и т.п.

Изложенное свидетельствует о том, что понятие «игровое оборудование» является не техническим, а исключительно правовым. Это подтверждает, судя по предпринятому нами анализу уголовных дел, и сложившаяся правоприменительная практика.

1. В случаях пресечения незаконной игровой деятельности, связанной с карточными играми или рулеткой, следователи почти всегда самостоятельно делали вывод о принадлежности изъятых карточных колод, рулеточных столов, фишек и прочих объектов к категории игрового оборудования. Они опирались на результаты осмотра изъятого — составляли протокол осмотра предметов, в котором фиксировали их внешние характеристики. Лишь в единичных случаях, наряду с этим, следователи проводили осмотр электронных ресурсов — страниц в сети Интернет с изображением, описанием и характеристиками аналогичных предметов, на основании чего делали вывод об их идентичности с изъятыми. Также изредка к осмотру привлекался либо допрашивался специалист (чаще всего лицо, официально трудоустроенное в легальное казино) на предмет отнесения изъятого к оборудованию, при помощи которого проводятся азартные игры. Экспертные исследования по такого рода объектам не проводились.

2. В случаях пресечения незаконной игровой деятельности, осуществляемой при помощи игровых автоматов и компьютеров со специальным программным обеспечением, напротив, почти всегда проводились компьютерно-технические судебные экспертизы, на основании которых решался вопрос о признании оборудования игровым.

Таким образом, в основе выбора метода доказывания указанного обстоятельства (самостоятельно либо экспертным путем) лежит, соответственно, очевидность или спорность отнесения предмета к категории «игровое оборудование», а ключевым является ответ на вопрос о возможности проведения азартной игры при помощи конкретного предмета. Иными словами, при очевидности выполнения таким предметом своей функции специальные познания не требуются, а при со-

мнениях в этом, в силу природы или особенностей того или иного объекта, без экспертной оценки не обойтись.

К примеру, при использовании игровых карт ситуация ясна в силу их прямого предназначения для игры. Однако в случае с программным обеспечением вероятны сомнения даже при визуальном наблюдении (фиксации) процесса, внешне схожего с азартной игрой. Прежде всего речь идет о ситуациях маскировки незаконной игровой деятельности под различные виды легальной деятельности: торговлю бинарными опционами, векселями, биржевые торги, букмекерскую деятельность, проведение лотерей и т.д.

Но даже в ситуациях второго типа необходимо четко понимать пределы компетенции экспертов. Их прерогативой будет решение вопроса не об отнесении оборудования к категории игрового (как указано выше, это понятие правовое), а о технической возможности или невозможности осуществления при помощи него азартной игры, а также технической возможности или невозможности осуществления легальной деятельности в какой-либо из вышеперечисленных форм.

Ярким примером маскировки игровой деятельности под легальную является использование программного обеспечения «Холитрейд», позиционируемого как площадка для участия в торгах бинарными опционами. Действительно, при запуске данной программы появляется публичная оферта услуг по обслуживанию инвестиций, которую необходимо принять для начала игры. Анимация приложения содержит кнопки «сделка», «тренд», графики «валютных пар» и иные внешние атрибуты торгов. При этом основной интерфейс идентичен интерфейсу игрового автомата.

Версия стороны защиты по таким уголовным делам заключается в якобы предоставлении обвиняемыми посетителям зала услуг по участию в торгах бинарными опционами, а не по проведению азартных игр. Следственные действия, направленные лишь на фиксацию процесса игры, а также легализация негласной видеозаписи, выполненной в ходе оперативно-разыскного мероприятия, в данном случае будут неэффективны и не позволят опровергнуть версию защиты. Однако при грамотном назначении и проведении компьютерно-технической судебной экспертизы экспертом будет установлено, что при помощи данного программного обеспечения участие в торгах бинарными опционами невозможно, так как его интерфейс не содержит обязательных механизмов по участию в данных торгах: не позволяет пользователю выразить свое намерение поставить на одно из двух событий, а также каким-либо образом определять конкретное время, в которое он хочет получить результат по опциону. Кроме того, результат действий пользователя не зависит от динамики курса валютной пары, а сама программа не имеет связи с биржевыми площадками. Одновременно в личном кабинете пользователя имеется возможность настройки процента выигрыша, что указывает на возможность осуществления при помощи программного обеспечения «Холитрейд» азартных игр². Указанные данные могут быть получены только при проведении экспертизы и применении соответствующей методики исследования программного обеспечения.

Таким образом, специальные знания для установления способа совершения преступления необходимы в случаях, обусловленных противодействием лица, осуществляющего незаконную игорную деятельность с ее маскировкой под легальную.

Немаловажен вопрос о предпочтительном варианте использования специальных знаний из преду-

смотренных УПК РФ: привлечение специалиста к участию в следственных действиях; допрос специалиста с целью разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию; исследование специалистом материалов дела и получение от него заключения; производство судебной экспертизы. Перечисленные варианты различаются по форме и времени проведения, методам и объемам анализа. Поскольку следователь должен стремиться к получению максимального эффекта при минимальных трудозатратах, привлечение для участия в осмотре оборудования и последующий допрос специалиста, на наш взгляд, предпочтительнее, чем проведение экспертизы, как правило, влекущее увеличение срока расследования.

При выборе способа применения специальных знаний необходимо учитывать следующее:

— при применении поверхностных способов маскировки, которая может быть разоблачена визуальным наблюдением игрового процесса, простыми способами программного анализа и осмотра структуры оборудования, осуществление незаконной игровой деятельности с использованием игрового оборудования может быть зафиксировано и доказано осмотром (например, при маскировке деятельности под интернет-кафе);

— в случаях тщательной маскировки игровой деятельности, когда используемое оборудование имитирует деятельность легальную, в условиях осмотра специалисту не удастся в полной мере произвести его исследование, в связи с чем потребуются проведение экспертизы;

— необходимо учитывать, каким именно образом технически осуществляется игровая деятельность.

Проведение экспертизы целесообразно только в отношении того игрового оборудования, на котором установлены электрические платы или программное обеспечение которого расположено на устройствах хранения информации (жестких дисках) внутри самого устройства. В данном случае даже при отключении такого оборудования от электрических, локальных и интернет-сетей, его изъятии и доставке в экспертное учреждение у эксперта сохранится возможность проведения полноценного исследования. Игровое оборудование, использующее для осуществления незаконной игровой деятельности лишь интернет-ресурсы (онлайн-казино), после его отключения от сетей станет крайне малоинформативным, зачастую позволяющим исследовать лишь историю браузера. В этом случае предпочтительным является его исследование в ходе осмотра с участием специалиста³.

Таким образом, выбор того или иного варианта использования специальных знаний при установлении способа незаконной игровой деятельности обуславливается:

— принципом разумной процессуальной экономии, при которой неэффективно дублирование доказательств, а проведение осмотра с участием специалиста предпочтительнее производства экспертизы;

— глубиной исследования оборудования, необходимой для получения соответствующего объема доказательственной информации, чаще всего продиктованной степенью маскировки незаконной игровой деятельности под легальную;

— типом оборудования, хранящим требуемые электронные следы преступления внутри устройства или же использующим для этого удаленные сервисы.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Понятие «игровое оборудование» является правовым, его оценка входит в компетенцию следователя

и может быть дана как на основании использования специальных знаний, так и путем анализа совокупности доказательств. В связи с этим вынесение на разрешение эксперта вопроса, является ли представленное оборудование игровым, недопустимо. Правильным будет вопрос: возможно ли технически проведение азартных игр при помощи данного оборудования?

2. Применение специальных знаний для установления способа совершения преступления в данном случае не является обязательным и зависит от ряда факторов: очевидности или спорности отнесения оборудования к категории игрового; наличия и степени маскировки незаконной игровой деятельности под легальную деятельность.

Следует подчеркнуть, что речь идет исключительно о доказывании способа совершения преступления «с использованием игрового оборудования». Утверждения о том, что специальные знания необходимы для получения доказательственной информации о других элементах преступления — статистических сведениях игрового оборудования, объеме дохода от преступной деятельности, идентификации лица, обладающего правом управления учетной записью, и подобных им, под сомнение авторами статьи не ставятся.

Литература

1. Астахова Л.В. Проблемы анализа программно-аппаратных средств незаконной организации и проведения азартных игр и методы их изучения / Л.В. Астахова, А.В. Волков, В.В. Григорьев, А.А. Роговский // Наука, техника и образование. 2017. № 6 (36). С. 23–33.
2. Данилова Б.Г. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния / Б.Г. Данилова, Т.В. Цатурян, Р.Р. Саркисов // Российский судья. 2013. № 10. С. 16–18.
3. Курочкин Е.Н. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр / Е.Н. Курочкин // Российский следователь. 2014. № 21. С. 45–47.
4. Малыхин И.В. Проблемы производства экспертных исследований объектов, подлежащих квалификации как «игровое оборудование» / И.В. Малыхин [и др.] // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 2. С. 12–15.
5. Себякин А.Г. Особенности исследования игрового оборудования как средства совершения преступления при незаконных организации и проведении азартных игр / А.Г. Себякин // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 52–59.
6. Усов А.И. Роль компьютерно-технической экспертизы при решении комплексных задач / А.И. Усов, Л.Г. Эджуков, Е.С. Карпухина, Н.А. Хатунцев // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 31–34.

¹ Проблемы производства экспертных исследований объектов, подлежащих квалификации как «игровое оборудование» / И.В. Малыхин, Е.И. Симоненко, Л.В. Столбина, Г.М. Усова [и др.] // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 2. С. 14.

² Астахова Л.В., Волков А.В., Григорьев В.В., Роговский А.А. Проблемы анализа программно-аппаратных средств незаконной организации и проведения азартных игр и методы их изучения // Наука, техника и образование. 2017. № 6 (36). С. 26.

³ Подробно см.: Себякин А.Г. Особенности исследования игрового оборудования как средства совершения преступления при незаконных организации и проведении азартных игр // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 54–56.